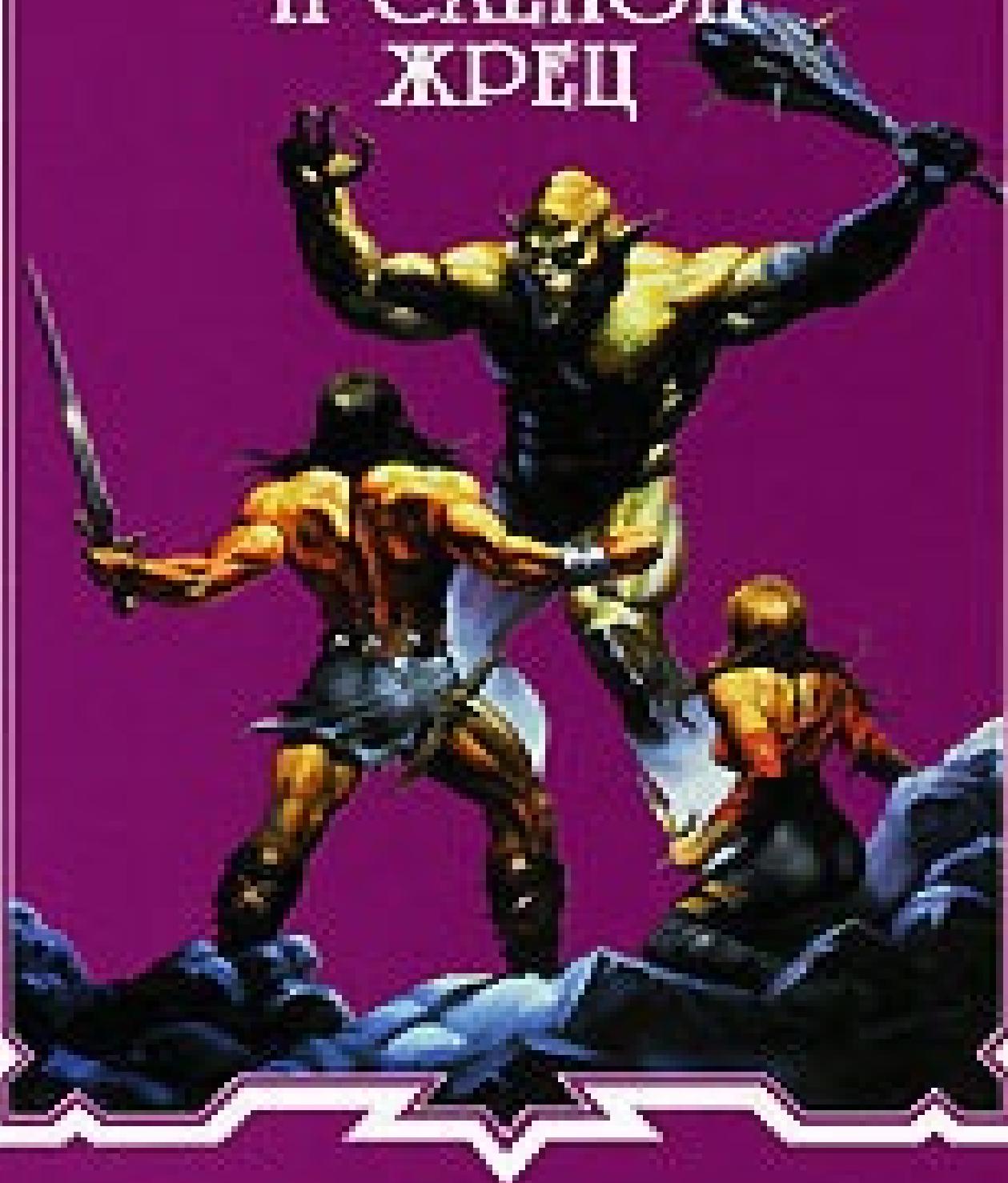

Библиотека
Сказок и легенд

КОНАН И САЕПСИЙ ЖРЕЦ

Annotation

Путешествия продолжаются, и впереди Исенгарда и Песчаного Коду ждут необычные встречи: с двухсотлетней ведьмой, с свистящей рыбой, с гномом, активистом борьбы за права растений, и наконец с самим богом Одином. В конце герои этого рассказа отправляются в город Ахен, знакомый читателям по циклу «Завоеватели».

«Северо-Запад Пресс», «АСТ», 2006, том 123 «Конан и слепой жрец»
Дуглас Брайан. Чудовище Боссонских топей (повесть/рассказ), стр.
246-352

- [Дуглас Брайан](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
-

Дуглас Брайан

Чудовище Боссонских топей

Глава первая

Дождь

Я сказал ему: — Конан!

Это его так зовут — Конан. Он мой спутник с довольно давних времен. С тех самых пор, как я снизошел до дружбы с ним, а случилось это больше года назад, когда одно лишь мое вмешательство спасло его от мести яростных кочевников пустыни, которых он имел глупость разозлить. Впрочем, у него имелось на сей счет совершенно свое мнение, и здесь не место оспаривать все те глупости, которые он рассказывает об обстоятельствах нашей встречи.

Итак, я, существо высшего порядка, решился обратиться к нему с небольшим возванием и потому произнес как можно более убедительным тоном:

— Конан! Люди — создания грубые и толстокожие, им такая погода, может, и нипочем. Но лично я как существо высшего порядка выносить ее не в состоянии.

Разумеется, он отмолчался. Не снизошел до препирательств — что ж, он верзила и потому в своем праве. Тщательно скрывая обиду, я зарылся в свой плащ и надвинул капюшон на глаза. Если от дождя никак нельзя укрыться, то, по крайней мере, можно на него не смотреть.

А он все шел и шел себе. И я за ним плелся, непонятно зачем. Мне следовало бы остаться в замке графа Мак-Грогана, где ко мне относились с такой любовью и с таким необъятным пониманием. Но вот потащился вслед за ним. Возможно, потому, что взялся беречь этого человека. У нас не принято взять на себя ответственность за какую-нибудь слабую личность, вроде этого Конана, а потом бросить на произвол судьбы. У нас, у пустынных гномов, принято заботиться о друзьях до смерти. Жаль, конечно, что в моем случае это будет моя смерть, а не чья-нибудь еще, ну тут уж, как говорится, судьба. Я слишком горд, чтобы просить пощады.

Бесконечная тропинка липла к ногам, а по краям ее качалась высокая крапива, из которой высовывались всякие сучья и коряги. Над нами шумели деревья и завывал ветер.

Я сказал ему в спину, по возможности сдержанно:

— Я Пустынный Код. Я не люблю, когда сырь.

Время от времени приходится напоминать ему об этом, потому что таким, как Конан, любая погода ни почем. Им хоть душные джунгли, хоть заснеженные горы лишь бы кругом роились демоны, из-под земли хватали мертвые руки, а в воздухе воняло опасностью. Вот тогда им жизнь, а все прочее рассматривается ими как медленное умирание.

Вообще-то он не урод. Не такой, во всяком случае, урод, как прочие люди. Взять хоть этого Дугласа Мак-Грогана, с которым он пускался в последнюю свою авантюру. Дуглас отвратительная белокожая образина с лысым лицом и белесыми патлами. У Конана хоть волосы черные. Ростом он крепко повыше меня, глаза у него хоть и маленькие по меркам пустынных гномов (у нас они на пол-лица, а у наиболее выдающихся красавцев на три четверти физиономии), но довольно выразительные. Запросто могут в дрожь вогнать, причем не только меня, но и некоторых людей тоже, я сам видел. Они у Конана ярко-синие, холодные.

Скитаясь по жарким странам, он так загорел, что сделался смуглым, и все равно очевидна его принадлежность к белой расе. Но сам он ничего не имеет против других рас. Я, например, точно знаю, что среди чернокожих у него полно друзей. Он только пиктов ненавидит, но это потому, что он киммериец. Киммерийцам на роду написано ненавидеть пиктов. Без этого они считают себя неполноценными. Унаследованная от предков ненависть к пиктам для них так же естественна, как выкрики «Кром!» по любому поводу.

Кром — это их киммерийский бог. Не слишком приятный бог, прямо скажем, но хоть под ногами у людей не путается.

Его именем Конан и клянется, и призывает себе в помощь высшие силы (хотя на самом деле полагается лишь на одного себя), и даже ругается. Например: Кром! Опять ты, Кода, утащил куда-то мои сапоги! Я тебе сто раз говорил, что они несъедобные!

В тот день он был страшно злой. Пробормотал что-то насчет распустившейся нечисти, избалованной донельзя, и я сообразил, что он имеет в виду меня. Я очень обиделся и даже решился было заплакать, но он ведь шел впереди слез моих все равно бы не увидел.

Я Пустынный Кода, это нечто вроде гнома, если кому-то непонятно. Я обитаю в безводной пустыне и терпеть не могу сырости. А эти Боссонские топи, куда нас с ним занесло, представляют собой отвратительное мокрое место, к тому же сплошь заросшее ядовитой крапивой выше человеческого роста. Людей здесь мало, потому что такие жуткие условия жизни даже людям не по зубам. Они отсюда постепенно уносят ноги. А те, что остаются, вырождаются и вымирают, в чем лично я не вижу ничего

удивительного. Я его попросил:

— Объясни, что мы тут делаем. Почему мы не отправимся куда-нибудь в хорошие края, где сухо и растут приятные деревья, а не эта ядовитая пакость?

Он сказал, что мы как раз направляемся в порт. В такое место, где можно найти корабль и отплыть в те самые милые моему сердцу горячие края.

Я повторил свой вопрос более внятно:

— Я хочу, чтобы мы шли туда, где тепло. А ты тащишь меня все дальше и дальше в закатные страны и при том уверяешь, будто мы приближаемся к цели. Но как мы можем приближаться к цели, если планомерно удаляемся от нее?

Он сказал, что я непроходимо глуп и что невозможно сесть на корабль, не добравшись до морского берега. Я обиделся и не разговаривал с ним довольно долго, чего он, кажется, не заметил по своему обыкновению.

Что мне оставалось делать? Если собрать несколько пустынных гномов, таких, чтобы они были в силах да еще и в хорошем настроении, то мы вполне можем поднять небольшой смерч. Устроить пустынную бурю, накидать песка, сдвинуть с места барханы. Однако один-единственный павший духом мокрый пустынный гном не в состоянии вызвать даже крохотного ветерка. Не говоря уж о том, что о песках приходилось только мечтать. Поэтому я молча ковылял, за ним, как за путеводной звездой, если только бывают такие чумазые и неприятные путеводные звезды.

Я тихонько ныл, но он плевать на это хотел, я понимал это, по его равнодушной спине. Холодный дождь поливал нас обоих с неиссякаемым упорством, деревья раскачивались в вышине.

Поперек скользкой глинистой тропинки лежали палки. Они так и норовили уцепить нас за ноги. Я несколько раз споткнулся и, наконец, полетел носом в грязь. Это было не столько больно, сколько обидно. Я даже не стал подниматься, так и остался лежать в луже, безмолвно глотая слезы.

А он, оказывается, слушал, как я шлепаю сзади, хотя и не подавал виду, потому что как только я упал, он сразу обернулся. Постоял, посмотрел со стороны, как я реву, потом понял, видно, что вставать я не собираюсь, и подсел рядом на корточки. Я уставился на него в надежде, что он все-таки возьмет меня на руки, и нос у меня задрожал от сильных переживаний.

Он погладил меня по голове и сказал:

— Бедняга. Даже уши посинели.

Тут я зарыдал уже в голос, и он, подумав, взвалил меня себе на шею. Я

вцепился в него и сразу затих. Он потащил меня дальше. По его мнению, дороги на то и существуют, чтобы выводить куда-нибудь. А мне почему-то казалось, что здесь ни к чему хорошему эти дороги привести не могут.

Через полчаса деревья расступились, и показалась поляна. Здесь дорога обрывалась внезапно и окончательно, словно желая показать нам всем, что свое дело она сделала, а прочее ничуть ее не касается. Если кому-то охота топать дальше — пусть топает на свой страх и риск, а она, дорога, умывает руки. Или ноги. Что там умывают в таких случаях безответственные дороги?

Дальше начинался сплошной лес — грозный, шумный, неприступный. Несколько пустых домов безмолвно мокли под дождем. Когда-то здесь была деревня, но люди оставили ее лет пятьдесят назад. Вероятно, их изгнало отсюда какое-нибудь чудовище. Или они сами превратились в чудовища и уползли в болота догнивать свой век. Я ничему бы не удивился.

Мы увидели несколько развалившихся каменных изгородей и заросли одичавшей малины. Ягод на ветках висело очень много, и все они раскисли от влаги. Малину я люблю, она сладкая, а среди нечисти полно сладкоежек, и я не исключение. Но эту малину даже мне есть почему-то не захотелось. Конан же вообще не обратил на нее внимания. Он озирался по сторонам.

То, что деревня брошена, и брошена уже давно, становилось ясно с первого взгляда. Черные дома, стоявшие крыльцо к крыльцу в одну линию, начинали уходить в землю, хотя в целом они были на удивление крепкими и могли простоять здесь не один год. Ничего удивительного, если учесть, что бревна здесь пропитаны смолой — еще одна отвратительная особенность здешней природы: в таких лесах я начинаю задыхаться.

Только у одного из домов провалилась крыша, и из дыры торчали бревна. Жуткая картина. Когда ветер рвет шатры кочевников или под ураганами и дождями разметывает хижины из пальмовых листьев, зрелище все-таки не настолько кошмарное. Во всяком случае, нет ощущения, будто поблизости бродят неупокоенные духи. А здесь можно ожидать чего угодно. И мне ужасно не нравилось думать о том, что или кого мы можем повстречать.

Неожиданно я насторожился: мне показалось, будто я вижу, как в окне последнего из домов мелькнул тусклый свет. Я подергал Конана за волосы и, наклонившись, проговорил ему в ухо:

— Ты заметил?

Он сказал, что давно уже заметил — всяко раньше, чем я, — и намерен выяснить, что там такое происходит. Я-то полагал, что мы

немедленно удалился из этого нехорошего места, подальше от возможных неприятностей, но спорить с Конаном на подобные темы очень сложно. Обычно он ужасно упрям.

Конан спустил меня на землю и поднялся по ступенькам на крыльцо. Я никогда не завидовал людям. Безрассудство у них в крови. Спрашивается, почему им до всего есть дело? К примеру, этот самый последний дом в пустой деревне, где уже давным-давно никто не живет. С чего это здесь горит свет, если люди отсюда ушли? Я хоть и принадлежу к существам высшего порядка, но не до такой же степени, чтобы тягаться с вампирами и прочей дрянью, которая имеет привычку вить гнезда в подобных местах.

— Уйдем отсюда, сказал я жалобно. — Не нарывайся на неприятности, Конан.

Он тут же постучал в дверь. Как бы в ответ на мое предостережение. Ему никто не ответил, и я было обрадовался.

— Нет здесь никого, — сказал я. — Видишь сам. Пошли отсюда.

Но он тихонько приоткрыл дверь, и на крыльце тут же высунулся остроухий пес. Морда у пса была исключительно веселая, и весь он был такой молодой и дурашливый. Конан позволил псу обнюхать свои руки, после чего животное совершенно растаяло и начало ластиться и подпрыгивать, норовя лизнуть его в физиономию. Я вытаращил на пса свои круглые глаза, чтобы проверить поймет ли неразумный зверь, с кем имеет дело. Пес что-то там понял. Во всяком случае, перестал скакать, рискуя уронить меня на пол и растоптать своими ужасными лапами. Он опустил хвост и уплелся в глубину дома. Конан вошел за ним.

Притолока была настолько низкой, что моему киммерийцу пришлось сильно нагнуть голову, чтобы не посадить себе шишку на лоб. Я шмыгнул следом, и мы оказались в просторных и совершенно темных сенях. На бревенчатых стенах угадывались разнообразные предметы сложного крестьянского обихода, а также большое количество пауков. Я их шкурой чувствую.

Конан остановился посреди помещения и громко поздоровался. Как мне показалось — наугад, потому что в первую минуту я никого не увидел. Масляный светильник стоял на окне, и от него было больше копоти и чада, чем настоящего света.

Затем мое зрение начало привлекать к полумраку, и я рассмотрел двоих, устроившихся на груде рваного тряпья в углу.

Во-первых, имелся бродяга, вроде нас. Шляются по всему миру такие вот неприкаянные личности, обвешанные оружием с головы до ног, в поисках с кем бы податься, кого бы пограбить.

Размеренный труд на земле или в какой-нибудь пуговичной мастерской вызывает у них отвращение, и оно, в общем-то, вполне закономерно, если вдуматься: работаешь, работаешь, ковыряешься в земле, света белого не видишь, а потом явился такой вот искатель легкой поживы — и ограбил. Какой, спрашивается, смысл в честном труде? Лучше уж самому отправиться в странствия. Я так это понимаю.

Я попробовал прочитать его мысли, чтобы не тратить времени на выяснения, кто он такой да что здесь делает, но натолкнулся на преграду. Я успел услышать только обрывок, вроде «нелегкая принесла», после чего все мгновенно стихло. Перестать думать он не мог, такое никому не под силу. Значит, он почувствовал, как я залез к нему под черепушку, насторожился и принял меры.

Ай-ай-ай. Стало быть, не простой это искатель приключений, а с начинкой. Нечто вроде пирога: сверху подгоревшая корочка, а внутри сочное мясо. Тут вся хитрость в том, чтобы добраться до сути, не поддавшись на обман внешнего вида.

Я присмотрелся к бродяге повнимательнее. Бог он, что ли... С богами нам уже приходилось встречаться. И ничего, между прочим, одолели. Я давал Конану ценнейшие советы, и он поступал согласно моим рекомендациям, так что в конце концов все в наших отношениях с богами сложилось наилучшим образом.

И если я пойму, что за божество мы повстречали в заброшенном доме, и подберу к нему ключ, а Конан все сделает так, как я присоветую, то...

Да нет, этот тип не может быть богом. Больно уж гнусный вид у него. Скорее, какой-нибудь захудалый великан, потому что для порядочного великана ростом он явно не вышел. Великанов я, как нетрудно догадаться, очень не люблю: они слишком большие и как следствие — чересчур о себе мнят. А я хоть и крошка, с их точки зрения, по стою гораздо большего.

А во-вторых, там была девушка. Такой невинный стебелек, сероглазенький, с жалобным ротиком. Еще одна коварная видимость с начинкой. У нее, правда, мысли были самые обыденные — насчет ужина.

Вот с ними-то Конан и поздоровался. Меня, естественно, представить новым знакомцам забыл, так что мне пришлось позаботиться об этом самостоятельно.

Я вышел вперед и сказал:

— Я Пустынный Кода. Здесь очень сырь, я не привык. А это Конан. Он тоже мокрый, как собака. Он устал еще сильнее, потому что нес меня на руках. Хотя он привык. Он человек.

(Потом, кстати, оказалось, что из нас четырех в этой хибаре только

один Конан и был человеком в полном смысле слова.)

Выслушав мою речь, девица поднялась, наклонилась надо мной и ласково взяла за подбородок.

— Ух, какие глазищи, — проговорила она дурашливым тоном, обращаясь к своему приятелю. — Посмотри, Гrimnir. Ну разве он не прелесть? Пустынный Кода! Никогда таких не встречала. Лапушка.

Честно говоря, я оскорбился. Да будь мы где-нибудь в Күше, Хоршемише или даже в Туране, любая девица при виде такого, как я, умчалась бы в ужасе куда глаза глядят и потом неделю ходила бы обвешанная колокольчиками, дабы отогнать мое зловредное влияние. А здесь — никакого почтения.

— Я Пустынный Кода, — прохрипел я своим самым низким, зловещим голосом. — Я насылаю бедствия и ураганы, я источник зла и коварства...

Девица, улыбаясь, перевела взгляд на Конана, и я чуть не помер от злости, увидев, что и он улыбается с самым дурацким видом. А еще друг называется. Прошел со мной через столько испытаний — и вот, нате: насмехается.

— Вы, наверное, голодны, — продолжала девушка. — Мы поделимся с вами хлебом и лепешками из лебеды. Очень вкусно, если горячие. Я сама пекла.

— Чей это дом? — поинтересовался Конан.

— Мой.

Девушка повернулась к окну и взяла с крышки узенького сундука, что невидимо притулился возле окна, две треснувших глиняных кружки. Одну из них совершенно явно лепил пьяный гончар, такой кривобокой и пузатой она была; вторая же оказалась тощей, а щербинки на ее краях торчали, точно оскаленные зубы. Ядовито-зеленая ящерица, пробужденная от дремы, шмыгнула с сундука и быстро пробежала по полу, исчезнув в какой-то щели.

Девушка сняла корзинку, свисавшую на веревке с потолочной балки, вытащила оттуда лепешки неприятного темно-серого и коричневатого оттенков.

Из кувшина она налила нам прокисшего молока, выдала по куску хлеба и усилась вновь на тряпье, наблюдая, как мы угощаемся. Конан скроил ужаснейшую рожу, однако от еды не отказался. Мне кажется, он и вонючего крокодила бы съел, если бы ему предложили. На редкость прожорливый тип. Впрочем, обо мне он думает то же самое.

Странно, размышлял я, поглощая лепешку, такая эта девица — если отвлечься от ее манер и глупых мыслей — хорошенькая, а живет в

отвратительной дыре, где пахнет кислятиной и перепревшим сеном.

Дождь, как будто надумав что-то новенькое, внезапно переменил направление и косо забарабанил прямо в окна. Ящерица высунула нос из щели, недовольно шевельнула длинным хвостом и опять замерла.

От наших с Конаном мокрых, плащей начал распространяться едкий запах псины. Я страдал от вони. Конану, разумеется, подобные мелочи ни почем. Он насытился и начал благодушествовать. И девчонка эта ему крепко понравилась. Вероятно, он считал ее человеком. А я к концу трапезы готов был поклясться, что она — кто угодно, только не человек. Таилось в ней нечто нехорошее. Возможно, даже опасное. И следовало отнестись к сией особе с сугубой осторожностью. Что я и намеревался посоветовать Конану. Нечего зваться с кикиморами, не разведав наперед все их намерения.

— Я Эрриэз, — произнесла девушка, и я насторожился. Мне показалось, что она прочитала мои мысли. — А это Гrimнир, странствующий воин.

Конан также назвал свое имя и сообщил этим двоим, что он тоже странствующий воин.

В темном углу невидимо зашуршила мышь или еще одна ящерица, я не разглядел. Лампа на подоконнике коптила отчаянно, распространяя дым и тьму. Гиблое здесь место. Хоть я сам и стихийное явление, но нелюди не люблю. А эти двое в доме были нелюдями. И они прямо-таки вцепились в моего Конана, я это видел. Им что-то нужно от него.

Мы жевали и пили молча и очень громко глотали в полной тишине. Тишина эта была удручающей. К тому же ящерица действовала мне на нервы. Наконец, я не выдержал и потребовал, чтобы меня уложили спать. Я промок, устал, продрог, измучен процессом жевания. Конан попросил разрешения устроить меня на сеновале, поскольку я могу упасть, когда буду карабкаться по лестнице. Все-таки он не так уж бессердечен — для человека. Время от времени вспоминает о том, что я боюсь высоты. Сам-то он ничего не боится, и когда-нибудь это погубит нас обоих.

Мы вышли в темные сени. Здесь дождь стучал намного громче, чем в комнате, и было побольше воздуха.

— Конан, — сказал я шепотом, — уйдем отсюда. Здесь плохое место. Он хмыкнул.

— Здесь что-то затевается, — сказал он. — Не верю я, чтобы эта девица здесь жила. И Гrimнир, странствующий воин, неспроста рядом с ней объявился. Неужели тебе не интересно, чего они хотят на самом деле?

Я сказал, что совершенно не интересно. Мои мечты Конану известны.

Я хочу отправиться в такие земли, где сухо и тепло.

Конан потрогал мои уши, обнаружил, что они полыхают от жара, и, кажется, испугался, что я заболел. А я не заболел, я просто очень рассердился.

— Нелюдь эта Эрриэз, — сказал я. — И Гrimнир тоже не человек, Конан. В самом лучшем случае — великан, только маленький. Недокормленный, наверное. А такие — самые злые из всех. Надо уносить отсюда ноги, пока не поздно. Они втравят тебя в поганое дело. У них и замысел уже наготове. Послушал бы ты меня хоть раз в жизни.

Конечно, спорить с ним бесполезно. Я даже думаю, что Гrimнир, или как его там, уже успел ему что-то внушить. Нелюди на подобные штуки горазды.

Конан пощекотал меня за ухом и сопроводил на чердак, где велел спать и ни о чем не думать. И ушел.

Я долго валялся на прелом сене, стараясь поменьше его нюхать, и слушал дождь, который к вечеру поутих и теперь деликатно бродил по крыше. Беда была в том, что я ничего не мог здесь натворить. Землетрясения здесь невозможны. Ни чума, ни холера, ни оспа мне не помогут: нет ни большой скученности населения, ни жаркого климата, ни чужеземных кораблей — ну просто ничего. Я без всего этого как без рук. Что еще бывает? Ураган? Исключено. Пыльная буря? Ой, мама, мамочка, какая еще пыльная буря. Мерзкая мокрая капля, просочившись сквозь крышу, стукнула меня по носу. Я даже подскочил. Наводнение! Я сосредоточился, пытаясь найти ближайшую реку и разлить ее. Река ответила мне из-под болота. Я напрягся и весь вспотел от усилий. Вода начала подниматься. Мне нужен был бурный поток, смывающий все на своем пути. Но я добился лишь того, что болото стало непроходимым, а низины наполнились лужами. И все.

И тогда я тихо, жалобно заплакал. Я всего лишь Пустынный Код, маленькая нечисть, и теперь, когда мой единственный друг попал в лапы этих двух коварных личностей, я остаюсь на земле совершенно один. Пожалуй, мне не стоит на ней оставаться. Я начал перебирать в мыслях различные способы самоубийства и незаметно для себя погрузился в спокойный сон.

Глава вторая

Ссора с Гrimниром

Под утро я почувствовал, что Конан вернулся на сеновал и спит где-то рядом. Я не слышал, когда он пришел, но теперь, в темноте, сквозь шелест притихшего дождя, я отчетливо различал его дыхание.

Я осторожно сел, чтобы не разбудить его. Интересно, что такого наплели ему эти двое? Я приложил ухо к полу и прислушался.

Мне показалось, что внизу не спят. Кто-то осторожно ходил, чем-то звякал, негромко переговаривался.

Мне стало нехорошо: я понимал, что нужно спуститься вниз и как следует поговорить с ними, но я до смерти боюсь лестниц. Таких шатких деревянных лесенок, по которым забираются на чердак. Особенно если несколько ступенек у них ввиду их полной ненадежности обмотаны тряпками и кое-как привязаны. За ушами у меня выступил пот, когда я решился на этот подвиг.

Оказавшись внизу, я перевел дыхание, чтобы успокоиться и чтобы эти двое не подумали, что я могу чего-то испугаться.

Они действительно еще не спали. Или уже не спали? За окном сквозь морось сочился тусклый свет, который с большой натяжкой можно было считать утренним. Гrimнир стоял возле печки, огромный и неуклюжий, а Эрриэз сидела в углу и созерцала паутину на потолке. Пес-дурак развалился у порога. Услышав мои шаги, он приоткрыл один глаз и лениво стукнул по полу хвостом. Я с достоинством перешагнул через него. Он даже не шевельнулся. Они прервали свою беседу и дружно уставились на меня.

Гrimнир противно усмехнулся и произнес: — Надо же, какая настырная маленькая нечисть...

А девчонка, наоборот, улыбнулась по-доброму и предложила мне позавтракать. У нее, оказывается, водятся сухари и сладкие ягоды в сиропе.

Во имя Сета, я вдруг ужасно захотел сладких ягод в сиропе. Даже во рту пересохло. В конце концов, врагов следует разорять. Наносить им ущерб где только возможно. Поэтому я кивнул, по возможности сдержанно.

Она сразу засуетилась и начала готовить для меня горячую сладкую

воду и разыскивать по углам заросшие липким мхом и паутиной кувшины. Когда я увидел очередной замшелый сосуд, я чуть было не пожалел о своей уступчивости.

Эрриэз обтерла кувшин подолом своей полосатой юбки и протянула ее Гrimниру. Тот извлек из ножен тесак таких размеров, что мне остро захотелось очутиться где-нибудь в Зыбучих Песках на берегах озера Вилайет (есть там такое гиблое местечко) или еще подальше. Не переставая ухмыляясь самым гнусным образом, Гrimнир снял с кувшина восковую пробку. Там оказались слипшиеся сладкие ягоды, как и обещала Эрриэз. Почти совершенно такое же лакомство мне доводилось пробовать в Аренджуне — давно это было...

Я принял угощаться вовсю, засовывая в широкое горло кувшина сразу всю горсть и облизывая ладонь и пальцы. А они смотрели на меня и думали, наверное, отныне облапошить меня им ничего не стоит — достаточно лишь угостить сладеньким. Ха-ха. Не на такого напали.

Потом я прополоскал пальцы в своей чашке с теплой водицей и сообщил девице, что это единственное применение, которое я вижу для подобного пойла. Кикимора покраснела, а Гrimнир заржал.

Я сказал:

— Вот у нас понимают толк в напитках, поскольку там, где воды мало, она ценится на вес золота — и оттого вкусная. А вы здесь все какие-то стукнутые. Ничего толком не умеете. Разве можно пить эдакую муть?

Гrimнир хрюкнул. Если бы можно было представить себе огромного драчливого борова с пышными седыми усами, то я сравнил бы с ним этого Гrimнира.

Очень похоже.

Эрриэз поманила меня пальцем, и я присел рядом с ней на тряпки.

— Между прочим, я вовсе не кикимора, — шепнула она в мое огромное ухо, которое тут же налилось багровой краской.

Вот негодяйка, она все-таки прочитала мои мысли. Но ведь и я не лыком шит и кое-что из того, что мелькало в ее русенькой головке, уловил. Ничего лестного для себя я там не обнаружил, но на такую благодать я и не рассчитывал. Чтобы позлить ее, я подумал про нее пару гадостей.

Гrimнир откровенно хохотал, демонстрируя все свои квадратные желтые зубы. Я подумал кое-что и о нем. Я забыл сказать, что этот урод был еще и одноглазым. Второй глаз скрывала черная повязка, что никак не могло его украсить. Я ужасно разозлился при мысли о том, что Конан разговаривал с ним и, по своей обычной наивности, наверняка принял все его разглагольствования за чистую монету. Я пробурчал:

— Что вы там натрепали моему Конану? Он же полный дурак, как и все люди, он верит всем подряд.

— Ладно, Кода, ты доказал нам свою преданность Конану, — пробасил Гrimнир. — А теперь успокойся. Мы считаем тебя достойным пустынным гномом.

— Я не собирался вам тут ничего доказывать, — буркнул я. — Конан, в отличие от вас, просто человек. Он доверчивый и глупый. Что вы ему сказали?

«Вот ведь привязался, чучело лупоглазое», — подумал Гrimнир — как я подозреваю, нарочно. А Эрриэз пожала плечами и отвернулась, глядя в подслеповатое окно. Что она там разглядела — ума не приложу. Сплошная серая муть.

Я подошел к окну и стал от скучи тыкать пальцем в ящерицу, которая опять сидела на сундуке. Ящерица терпела мои приставания до последнего, прикидываясь сучком, а потом все-таки не выдержала и скользнула в невидимую щель между бревнами. Тогда мне стало совсем скучно.

Я подозревал, что девица и этот негодяй обменивались взглядами за моей спиной, но ловить их на этом мне не хотелось. Хорошо, что мы с Конаном уйдем сегодня отсюда навсегда.

Мне вообще здесь не нравилось. Здешние края совершенно не похожи на мою иссушеннную солнцем родину, и этим они плохи в первую очередь. И во вторую, и в третью тоже. А Конан родился где-то поблизости, если ему верить. Ему еще повезло, что он родился человеком, а не деревом, к примеру. Дереву при всем желании не уйти с того места, где его угораздило вырасти.

Мы прошли эту землю пешком вдоль и поперек, и всюду нас встречало одно и то же: пустые деревни, разрушенные храмы, осыпавшиеся колодцы. Что-то душит здесь людей, заставляет их тосковать, метаться и, в конце концов, покидать свои дома. Вода безвкусная, дождь холодный и не приносящий радости, болота гибкие, а ягоды в лесах водянистые. И все это, вроде бы, не такие уж жуткие вещи. Скажем, в Хоршемише случается и похуже, особенно после набегов кочевников, но как задумаешься, так поневоле становится тоскливо. Закатные страны на то и закатные, что все здесь закатывается и клонится к упадку — такова моя теория. Кстати, Гэлант Странник, известный сказитель, это подтверждает.

Гrimнир что-то непрерывно бубнил себе под нос, ковыряя толстым пальцем побелку на печи, а Эрриэз беспокойно шевелилась и не сводила с него глаз — больных, тревожных и каких-то очень преданных, что ли. Я

даже подумал на миг, не жена ли она ему часом, но тут же отмел эту мысль как вполне идиотскую. Он, конечно, бродяга, этот странствующий воин-великан, но такая замарашка, как Эрриэз, ему все равно не пара.

Эрриэз взяла с полки нож и снова принялась шарить в корзинке, подвешенной к потолочной балке. Хозяйничать собралась.

За окном тем временем заметно посветлело — то ли дождь поутих, то ли действительно рассвело.

Эрриэз вытащила из корзины рыбку, завернутую в пахучую крапиву, и лениво вышла из дома, прищемив напоследок дверью свою полосатую черно-красную юбку с белой грязной каймой по подолу.

— Странная она какая-то, — сказал я Гrimниру. (Надо же о чем-то разговаривать?)

Его разбойничья физиономия вдруг стала мечтательной.

— До чего же ты все-таки глупенький, мальчиш, — произнес он, глядя куда-то в закопченный потолок.

Я сразу ощетинился, и шерсть на моем загривке поднялась от негодования.

— Я тебе не мальчиш, — прошипел я, сверкая в полумраке глазами. — Сам пигмей-переросток. Я Пустынный Кода.

— Глупый, как всякая нечисть, — невозмутимо гнул свое Гrimнир все с той же дурацкой задумчивостью на усатой морде. — Эрриэз — это чудо. А ты не видишь.

— Маленькая неряха, — не то мысленно, не то вслух отрезал я.

— Эрриэз такая, как эта земля, — отозвался Гrimнир. — Не лучше и не хуже. Этим-то она и хороша, Кода.

— Она ведь нелюдь, — высказался я. Гrimнир не ответил.

Что-то подсказывало мне, что не стоит с ним связываться, но ведь Пустынные Коды очень упрямые, и я заявил решительным тоном:

— Вот Конан проснется, и мы отсюда уйдем. На это Гrimнир сказал:

— Возможно.

И ухмыльнулся самым отвратительным образом, что окончательно вывело меня из себя.

— Я полагаю, — произнес я возможно более веско, — что мы не станем спрашивать твоего разрешения, Гrimнир.

Гrimнир повертел своей лохматой башкой.

— Ты действительно так предан этому человеку, Кода?

— Да уж, с вами его не брошу, — вызывающе ответил я.

— Ведь он может сунуться туда, где опасно... а, Кода?

Это была уже наглость. Я почувствовал, что уши мои краснеют. Я,

конечно, большой трус, у меня это в крови — а кто когда видел, чтобы нечисть была храброй? — но Конана я никогда еще не бросал, а он, кстати, частенько ввязывался в совершенно нелепые истории. И скажу без лишней скромности: не будь рядом меня, он бы не спасся.

— Если Конан сунется туда, где опасно, — произнес я четко, чтобы эта дубина уяснила себе раз и навсегда, какие вопросы задавать не стоит, — то найдется друг, который не даст ему пропасть. И это будешь не ты, смею тебя заверить.

Гrimнир подцепил меня своим корявым пальцем за завязки плаща и подтащил к себе, разглядывая с бесцеремонным любопытством.

— Не пойму, — сказал он задумчиво, словно обращаясь сам к себе, — договор он с тобой подписал, что ли? Как ты попал к нему в услужение? Он, вроде, не колдун. Обыкновенный бродяга, звезд с неба не хватает.

— Это ты звезд с неба не хватаешь, — прошипел я, подыхая от злости. — Я Пустынный Код. Пустынные Коды никому не служат. Но это не значит, что у них нет чувств.

Моя тирада так поразила Гrimнира, что он меня выпустил, и я стрелой вылетел из дома. Наскочив в темных сенях на предательски упавшее жестяное ведро, я еще раз торжественно поклялся нагадить этому Гrimниру при первой же возможности.

Все мои надежды на то, что просветление за окном означает конец дождя, рухнули. Это был всего-навсего рассвет.

Я вышел на высокое крыльце и огляделся. Напротив крыльца имелся небольшой запущенный огород, заросший хреном и лебедой и отгороженный символическим заборчиком из неоструганного тонкого ствола сосенки, положенного на чурбачки. Я увидел там также три куста приземистых ягодных кустов.

Босая, с торчащими косичками цвета льна, Эриэз чистила под дождем рыбу. Рыбья чешуя летела из-под ножа, светлая, как капли дождя, прямо на полосатую юбку девушки.

Я сел на крыльце и стал смотреть, как она управляетя с рыбой. Странно было думать о том, что вокруг нас нет ни одной живой души. Только угрюмые леса с заросшими тропками и гибельные болота, бескрайние, как моя родная пустыня, но куда более коварные. И что толку от того, что я наделен кое-какими способностями? У себя дома я мог бы развернуться в полную силу. А здесь, на самом краю обитаемых миров, мне только и оставалось, что бездумно плестись за человеком, который когда-то спас мою жизнь, и время от времени следить за тем, чтобы он не угрибил свою.

Эрриэз заметила, наконец, мое присутствие, подняла на меня глаза и улыбнулась. Эдакая растрепанная невинность.

— Твой хозяин спит, Кода? И эта туда же.

— Он мне не хозяин, — проворчал я, чувствуя, что опять выхожу из себя. — Я Пустынный Кода.

Она вздохнула.

— Да Кода ты, Кода, кто спорит…

— Когда он проснется, мы уйдем, — объявил я.

— И я с вами, — подхватила Эрриэз, усердно налегая на нож, чтобы отрезать рыбине голову.

Я чуть с крыльца не упал.

А она невозмутимо добавила:

— Конан обещал взять меня с собой.

— Он не мог тебе обещать, — возмутился я. — Он не мог ничего тебе обещать, не посоветовавшись со мной.

— Он сказал, что попросит тебя, и ты согласишься.

Я так разозлился — не передать.

— Если ОН попросит, — сказал я мрачно, — то я, конечно, не стану возражать. Но запомни, Эрриэз, один только намек на предательство с твоей стороны, и я скажу ему, кто ты такая.

Я правильно угадал ее слабое место. Она жалобно заморгала своими белыми ресницами, и нижняя губа у нее задрожала. Она здорово перепугалась, я видел.

— Ну и кто я, по-твоему, такая? — спросила она, старательно изображая спокойствие.

А мне и изображать не надо было.

— Нелюдь ты, — равнодушно сказал я. — А его ты об этом, конечно, в известность не поставила. Человеком прикидываешься. Ладно, прикидывайся, морочь ему голову. Но смотри, Эрриэз, я тебя предупредил. В случае чего я за себя не ручаюсь.

Она побледнела, и на ее лице стали заметны веснушки. Она смотрела на меня укоризненно, дождь поливал ее, смывая с исцарапанных, покрытых слабым загаром рук налипшую рыбью чешую. Мне даже жаль ее стало на миг, но я заставил себя быть суровым для пользы дела и гордо поднялся на крыльце, чтобы пройти в дом и разбудить Конана.

Глава третья На болоте

Болото было, по обыкновению всех болот, бескрайнее, безнадежное и бесконечно коварное. Конан сказал, что где-то здесь начинается местность, имеющая чудесное название «Боссонские топи».

Я передвигался следом за Конаном. Прыгая с кочки на кочку, каждую секунду ожидая трясины, из которой уже будет не выбраться, шарахаясь от черных деревьев, я невольно сожалел о лесе. Пусть там сырь, пусть ветки эти цепляются, пусть насекомые кусаются и путаются в шерсти, — но там хоть земля под ногами твердая. Л не этот гамак, подвешенный над пропастью.

Я попытался выяснить, на какой глубине у этой пропасти дно. Оказалось, что дна вообще нет, но зато там торф. Торф — отличное топливо, сказал Конан. Меня это, понятное дело, ужасно вдохновило. Нет ничего лучше затяжного подземного пожара. Болото то стонало, то булькало, то сопело. Создавалось впечатление, будто мы топаем по шкуре гигантского сонного существа.

Эрриэз замыкала шествие. Я, кстати, так и не понял, зачем она с нами увязалась. Для такой дохлой девчонки держалась она хорошо — не ныла, не отставала.

Интересовало меня и другое обстоятельство: Гrimнир почему-то с нами не пошел. Он вообще в тот день, когда мы уходили, не показался на глаза. То ли отсиживался где-то в глубине темного захламленного дома, то ли успел уйти раньше, пока все еще спали. Конан не выяснял, где находится великан. Вероятно, считал, что это для нас неважно.

Тяжелые сытые птицы щумно взлетали при нашем появлении, ломая ветки мертвых деревьев. Глупые они. Конан ловит их на простой крючок: они, не думая, хватают любую наживку и тут же попадаются. Я не очень люблю такое мясо, оно горькое, но в общем есть их можно.

Мы шли уже третий день, и я чрезвычайно устал, но говорить об этом не решался. Не хотел показывать свою слабость этой девице в полосатой юбке и допотопном чепчике с мятными кружевами, которая шлепала за моей спиной. Поэтому о замке графа Мак-Грогана, где меня так любили и баловали, я думал втихомолку. Несколько раз слезы наворачивались па мои

глаза, однако я преодолевал слабость. Конан обещал, что рано или поздно мы доберемся до порта и сядем на корабль, который отвезет меня в пустыню. Такова была моя последняя надежда. И если она не сбудется, то вариантов у меня останется ровно два: умереть здесь — или вернуться к Мак-Грогану, где мне уготована необременительная роль всеобщего пущистого любимца.

Такой плохой дороги, как через это болото, у нас еще, кажется, никогда не было. Я никак не мог взять в толк, зачем Конану понадобилось создавать себе дополнительные трудности. Неужели нельзя было пройти в обход?

Я так и сказал ему, когда мы остановились на относительно сухом островке, чтобы передохнуть. Он сказал, что другой дороги нет и что за деревней Эрриэз чуть ли не до самого конца света тянутся бескрайние топи. Я почуял в его словах какой-то подвох, потому что он вдруг улыбнулся своей ослепительной, жизнерадостной улыбкой, щелкнул меня по лбу и начал обламывать ветки засохшего дерева, чтобы развести костер.

Где-то вдалеке завыли волки. Я вспомнил про пса, который обитал в деревне, и спросил Эрриэз, куда она дела свою собаку — неужто бросила на произвол судьбы.

В моем вопросе ей почудился подвох. Якобы я считаю ее бессердечной и способной бросить какое-либо живое существо на произвол судьбы. (На самом деле я действительно так считал).

Она махнула рукой в ту сторону, откуда доносился вой.

— Он ушел к своим, — пояснила девушка.

Я так и ахнул.

— Ты хочешь сказать, что это был волк? Она засмеялась:

— А кто же еще!

— Но ведь он вилял хвостом!

— Такой уж это приветливый волк...

— Ты все врешь, — объявил я. Волки другие. Они гораздо меньше размерами, у них рыжеватая шерсть и длинный вытянутый хвост. А твой был крупный и серый.

Она не ответила, и я вдруг понял, что ничего она не врала — в закатных странах и волки не такие, как положено...

Я уныло подсел к костру, делая вид, будто принимаю участие в его разведении, а Эрриэз с деловым видом уже вынимала из своей холщовой сумки медный котелок и кое-какие припасы. Котелок был наш с Конаном, я лично украл его на рынке в одном городке на закат от Танасула. Почему-

то мне стало вдруг обидно, что Конан доверил ей нести наши вещи. Когда я увидел, с каким самодовольным видом она вытряхивает в котелок мокрую солонину, я не сдержался.

— Ты ее уже один раз прожевала, — фыркнул я. Она виновато покраснела. Я так и не понял, кто из нас двоих хуже — она, потому что упала в лужу и промочила припасы, или я, потому что постоянно ее дразню.

Но тут к нам подсел Конан, и мы с Эрриэз сразу перестали обмениваться убийственными взглядами. Он осторожно поджег сырой хворост, и через несколько минут у нас уже был очаг и собственное место на земле возле этого очага. Очень уютно, знаете ли, можно устроиться, если только удалось зажечь костер.

— Скажи, Эрриэз, — заговорил Конан, — давно ли ты живешь в здешних краях?

— Давно. — Она улыбнулась. — Всю жизнь.

— Ну, тогда это недавно, — засмеялся он.

Наивный человек, он полагает, что ей лет шестнадцать. Если бы она не была кикиморой, или кто она там, я бы тоже так решил. А ей лет двести, никак не меньше. По глазам вижу. Хотя для кикиморы это, конечно, не возраст.

— Ты устала? — спросил он осторожно. Она качнула головой.

— Не беспокойся, — сказала она. — Я выносливая.

— Да кто о тебе беспокоится-то? — не выдержал я.

Конан посмотрел в мою сторону — удивленно, как мне показалось. Я передернул плечами и отвернулся, кутаясь в свой плащ. Не понимает человек простых вещей — не надо. Кому от этого хуже?

— Может быть, ты зря пошла с нами, Эрриэз? — снова заговорил Конан.

Мне очень не понравилась интонация, с которой он произносил ее имя, и я счел нужным вмешаться:

— Увязалась за нами, ты хочешь сказать.

Но они не обратили на меня внимания. Эрриэз смущенно потрогала свою косичку.

— Ты знаешь, — сказала она, — я просто не могла уже оставаться дома. Все вокруг разбежались или умерли. В доме, который выходит окнами в мой сад, поселился дух. Не знаю, кто он, но столько от него тоски, когда он выбирается наружу и бродит целыми ночами — как будто ищет кого-то...

Она рассказывала тихим, прерывающимся голосом, и я видел, что она

не врет. Кикиморам тоже бывает страшно. А эта, в общем-то, вполне симпатичная и вроде бы не злая. Хотя кто ее знает. Некоторые только тогда и хороши, когда их жизнь прижмет, а как повалит удача, так опять делаются ходячим ужасом.

— Не знаю, что с нами случилось, — снова заговорила Эрриэз. — Если бы на нас обрушилась какая-нибудь катастрофа, потоп или чума, люди решили бы, что на них гневаются боги, и достойно приняли бы свою судьбу. Но все происходит исподволь, незаметно. Сначала кое-кто просто начал уезжать отсюда, посмотреть мир, заработать денег. Разве это так уж плохо? Никто и не обращал внимания, что возвращаются далеко не все. И постепенно начали пустеть деревни и города... Конан, — тут она робко заглянула ему в глаза, — если бы ты знал, как здесь душно...

Конан мрачно теребил пальцами мох. Я знал, о чем он думает. Он предпочитает встречаться с какими-нибудь демонами или, к примеру, с враждебно настроенным отрядом вооруженных до зубов монстров. Угроза, которой нельзя посмотреть в лицо и плонуть в глаза, его угнетает. Конану требуется некто, кому можно перерезать горло, — это всегда бодрит истинных киммерийцев, как он сам признавался.

— Да, — тяжело произнес Конан наконец. — Странно все это. И странно, что ты не можешь мне сказать, кто твой враг...

Мы немного помолчали, наблюдая за тем, как затухает наш костерок. Эрриэз сидела, съежившись, маленькая, несчастная и очень одинокая.

Конан смотрел на нее, грустно улыбаясь, и глаза у него стали теплые.

Я встал и начал забрасывать угли сырым мхом.

— Оставь, он и так погаснет.

— Там торф, — сказал я. — Ты же сам говорил, что торф — отличное топливо. Если он загорится, то будет тлеть веками. А здесь и без того хватает стихийных бедствий.

— Кода у нас знаток по части стихийных бедствий, — сказал Конан, обращаясь к Эрриэз и словно извиняясь перед ней за меня.

Я решил проглотить оскорбительный намек. Никто другой не остался бы в живых, осмелься он на подобное.

Конан быстро собрал вещи, и мы снова побрали по болоту. После отдыха первые несколько шагов даются труднее, зато потом намного легче. И снова потянулись черные деревья, раскормленные дуры-птицы, булькающие лужи.

Вдруг Конан остановился. Мы с Эрриэз подошли к нему и тоже замерли. А Конан присел на корточки перед лужей, на поверхности которой плавала радужная пленка.

— Что ты там увидел? — спросил я недовольно. Эрриэз тоже присела рядом и вытянула шею, пытаясь разглядеть из-за плеча Конана то, что привлекло его внимание. Я понял, что эти двое увлеклись находкой и у меня есть время отдохнуть. Но сесть было решительно некуда, разве что на шею моему другу, а для такой выходки я еще не окончательно озверел. Поэтому я остался стоять и тоже, как последний болван, вылупился на эту лужу.

Лужа забулькала. Очень мило с ее стороны, подумал я, сейчас оттуда высунется какая-нибудь болотная гадость. Я с ними не знаком, но подозреваю, что самый матерый и свирепый Пустынный Код покажется сущим ягненком перед тварями, способными жить в такой мерзости, как это болото.

Из лужи показались розовые округлые губы и большие мутные глаза. Потом плавник. Мощные жабры лениво шевелились, и от них кругами расходилась по воде зеленая муть.

— Рыба, — удивленно сказал Конан. Он потянулся за ножом. — Сейчас мы ее за жабры и в котелок, а, Эрриэз?

Эрриэз отчаянно замотала головой.

— Ты что, — в ужасе спросила она, — сможешь СЪЕСТЬ ее после того, как она так доверчиво посмотрела тебе в глаза?

Конан уставился на девчонку с таким искренним недоумением, что я прыснул. Я-то знал, что Конан начисто лишен сентиментальных чувств. Если он голоден, он убивает и ест. По-моему, это разумно. Он же делает это не ради своего удовольствия.

Но Эрриэз пришла в ужас. Она вцепилась в его руку и стала умолять, чтобы он не трогал это первобытное чудовище, которое глазело на нас из недр болота и бессмысленно шевелило жабрами.

— Ладно, хорошо, — удивленно согласился Конан. — Интересно, как она тут живет, эта тварь? Рыбы же не водятся в болоте.

— Может быть, это водяной? — предположил я. — Или болотный дух. Родственник... гм... одной нашей знакомой...

Эрриэз метнула на меня яростный взгляд. Уловив в ее мыслях отчетливое желание утопить болтливое порождение пустыни в болоте при первой же возможности, я замолчал, справедливо предположив, что «болтливым порождением пустыни» могут быть только я.

Но Конан не обратил внимания на мой намек. Он тихонько присвистнул, как будто встреча с нечистью могла быть для него чем-то неожиданным.

И тут рыба сложила свои прозрачные серовато-розовые губы в

трубочку и свистнула в ответ. Конан чуть в лужу не свалился.

— Ничего себе, — сказал он и свистнул снова. Рыба высунулась из воды почти до половины и лихо выдала ответную трель, после чего вяло шлепнулась назад. Конан захочотал.

— Здорово! — крикнул он. — А мне это нравится.

И он просвистел начало кабацкой песенки. Рыба воспроизвела ее в точности. Эрриэз, видя, что животному больше не угрожает опасность быть съеденным, бледно улыбнулась.

— Я узнала ее, — заявила она. — Это Свистящая Рыба. В древности их водилось здесь много, а теперь, похоже, только эта и осталась. Ее зовут Лагуста.

— А кто ее так назвал? — поинтересовался я. — Я к тому, что странное имя для рыбы — Лагуста.

— Персонально эту рыбу никто не называл, — пояснила Эрриэз. — Это их родовое имя. Я думаю, мы первые и последние люди, которые ее встретили.

Я иронически посмотрел на Эрриэз, когда она произнесла слово «люди», но вовремя спохватился. Ведь утопит же, как пить дать.

— Давайте возьмем ее с собой, — предложил Конан. — Славная какая рыбешка Лагуста. Я обучил бы ее хорошим песенкам, и по вечерам она услаждала бы наш слух.

Под «хорошими песенками», как я понимаю, Конан подразумевал разные кабацкие напевы, от фривольных до псевдо-воинственных.

— Лагуста наверняка погибнет в неволе, — твердо произнесла Эрриэз. — Полагаю, что ее родичи именно так и были истреблены. Люди пытались приручить Лагуст, держали их дома в кадках и бассейнах, но из этого ничего не вышло. Бедные животные погибали от тоски.

— Жаль, — искрение сказал Конан. — Мы могли бы хорошо продать ее за Черной рекой и без особых трудностей найти себе место на корабле. Но если это невозможно... — Он вздохнул. — Что ж, прощай, Лагуста.

Он провел пальцем по носу скользкой твари, и я готов поручиться, что она зажмурилась от удовольствия.

Глава четвертая

Наконец на суще

На четвертый день пути мы добрались до края болота. Увидев нормальные, не искривленные и не иссущенные деревья, я так обрадовался, что даже не вспомнил, до чего же я ненавижу лес. В конце концов, плохо все, что не пустыня, но лес все-таки менее плох, чем болото.

Мы побрали по тому, что давным-давно являлось дорогой. Сейчас это была еле различимая среди густой зелени просека, заплетенная ветвями. Удивительное дело, ведь не лианы же, не буйная южная растительность джунглей, а довольно чахлые кусты и невыразительные деревца, — и все же им удалось разрастись во все стороны и создать плотную непроходимость! Создавалось такое впечатление, что лес с отчаянной радостью пожирал последние следы человеческого пребывания, уничтожая самую память о дороге и людских селениях.

Мы вышли в путь рано, еще по росе, и через три часа я понял, что напрасно обрадовался солнышку. Оно начало припекать, и от травы пошел пар. Мне стало казаться, что кому-то взбрело в голову сварить нас прямо в «одежде». Снять плащ не представлялось никакой возможности из-за разнообразных насекомых, которые чрезвычайно обрадовались приятному сюрпризу в виде трех сытных обедов. Не знаю, как выглядел я, но Конан напоминал ходячий оводовый смерч.

Я поскользнулся и растянулся на дорожке. Возле самых глаз в крошечной и очень уютной лужице я увидел головастиков. Этакие маленькие нежные создания, черненькие и веселенькие. Лужица была вполне ими обжита, и я видел, как хорошо им у себя дома. Мне показалось, что я заглянул в чье-то окно, за занавеску, и увидел то, что видел всегда в таких случаях: мир, покой, горящую лампу, гудящий камин — словом, все, о чем ностальгически мечтают бродяги, пока они бродят и всего этого не имеют. Что случается с бродягами после обретения вышеизложенных благ — другой разговор. Мы с Конаном пока что этих благ не обретали.

Конан остановился и обернулся ко мне. Он увидел, что я лежу и с самой завистливой мордой глазею на головастиков.

— Устал, Кода? — спросил он.

— Смотри, Конан, — ответил я, увиливая от прямого ответа. —

Головастики. Может быть, они поющие?

Эрриэз за моей спиной подумала, что я ужасно хитрая бестия. Я в ответ подумал, что не ее это дело.

— Знаешь что, — сказал Конан. — Давай мне руку. Дорога пошла вверх, может быть, найдем деревню или луг и переждем там жару.

Я с благодарностью взял его за руку, и он потащил меня за собой. Мы шли теперь по рассохшейся корявой дороге, бежавшей среди холмов. Вокруг был такой одухотворенный простор, что, будь я великим кешанским поэтом Фари, мой взор увлажнился бы слезой. Но поскольку я был всего лишь Пустынным Кодой, я просто вертел головой и с любопытством глазел по сторонам.

Так продолжалось часа два, и я уже совсем было примирился с этими малоприятными северными землями, как вдруг мы вышли на очень странную поляну.

Полузаросшие травой, по обширному лугу вокруг одинокого дуба были разбросаны большие могильные камни. На всех надгробиях лежал отпечаток руки одного мастера — след несомненного родства. Камни, как и лежавшие под ними люди, были близки друг другу. Тщательно, немного неумело выбивал неведомый художник имена и заклинания, иногда добавляя что-нибудь доброе, ласковое, чтобы покойнику было не так одиноко. Имена были сплошь старинные, культовые, а из надписей, обозначавших возраст, явствовало, что лежат здесь одни старики.

— Странно, — сказал я, когда последнее обстоятельство было нами выяснено. — Впервые в жизни вижу такое кладбище.

Я уж подумал было, что на Боссонских топях такой обычай — отправлять старииков доживать свой век в отдельные поселения, где они могут спокойно на досугеправлять свои загробные ритуалы, поклоняться богам смерти, приносить особые жертвы... ну и умирать, конечно.

Однако Эрриэз печально произнесла:

— Здесь нет молодых, потому что молодые ушли. Они умирают вдали от родной земли...

Словом, все оказалось еще хуже, чем я предполагал.

В толстую кору дуба было воткнуто большое боевое копье, такое огромное, каких я никогда не видел. Старинное, вероятно. Сейчас и людей-то таких нет, чтобы сражаться подобной дубиной. Его даже поднять трудно, не то что бросить. Копье пригвождало к дубу изображение какого-то божества, сделанное из деревяшек, тряпок и соломы. Божество было одноглазое, довольно свирепое и на вид ужасно несимпатичное. Чем-то оно напоминало Гrimнира. На месте бога, которого тут пытались

изобразить, я бы обиделся.

И все-таки, думал я, не может быть, чтобы здесь все повысили просто от климата. Должен существовать некий артефакт, некий талисман, который охраняет эту землю. Совершенно примитивная магия, которая почему-то всегда безотказно действует — как, впрочем, все примитивное. Неизвестно, как этот заветный артефакт выглядит и где находится, но я нутром чуял, что угадал правильно. Во всяком случае, лично мне неизвестна другая возможность довести страну до полного истощения. Здесь явно поработало злое колдовство. Медленное и терпеливое.

И что самое подлое — для того, чтобы сотворить подобные чары, ничего особенного не требуется. Для того, кто хоть немного соображает в элементарной магии, такое колдовство не представляет ни малейшего труда. Берется этот самый артефакт — рисунок, скульптура, одеяние божества и так далее, — и в зависимости от того, каких результатов хочешь добиться, начинаешь над ним измыватьсь. Можно окунуть в расплавленный воск, или утопить, или плюнуть на него от души. Даже заклинаний никаких не нужно.

Все-таки хорошо, что Конан не умеет читать чужие мысли. Потому что если киммериец признает про украденный и оскверненный артефакт, он из шкуры вон вылезет, но добудет волшебный предмет и освободит его от заклятия. Любит Конан всякие безнадежные предприятия.

Я заметил, что он вопросительно смотрит на меня, и с решительным видом отвернулся поглязеть на пришпиленного бога.

— Тебя что-то насторожило, Кода? — спросил Конан.

Я покачал головой, не поворачиваясь. Большинство людей не разбирается в мимике пустынных гномов, но Конан слишком давно меня знает.

— Здесь поблизости еще одна деревня, — сообщила Эрриэз. — Когда-то ее построили потомки разбойников, но с годами все измельчало — в том числе и люди. Думаю, теперь там тоже никого не осталось...

Через сотню полетов стрелы дорога (вернее, то, что от нее осталось) вывела нас на заливной луг. Некошеная трава закрывала меня с головой, а Конану была почти по локоть. Она сплеталась и путалась в ногах, и мы с трудом продирались сквозь нее. От травы шел влажный пар, и мошка, поднятая нашими шагами, летала густыми тучами.

Я пытался найти хоть какой-нибудь ветер, чтобы пригнать его сюда и разогнать полчища кровососущих, но тщетно: приличного ветра не было нигде, а тот, что я все-таки разыскал, был так далеко, что сюда бы просто не долетел.

Эрриэз, как и я, выглядела не лучшим образом, губы у нее пересохли, а вода, которую они с Конаном хлебнули из грязной лужи, никак не могла утолить их жажду. Не так надо пить, чтобы напиться: в этом вопросе следует учиться у кочевников. Подозреваю, они тоже знали это и все же не удержались. Трудно удержаться, когда видишь воду, я понимаю.

Мне-то что, я Пустынный Кода, у меня уши подолгу сохраняют запасы влаги, и этим я похож на многие пустынные растения, которые отращивают мясистые листья. Каждый приспосабливается, как умеет. Только люди вообще не умеют приспосабливаться, и для меня до сих пор загадка — как это они ухитряются выжить.

Мы начали спускаться с холма и тотчас увидели впереди деревню.

Она была пуста. Это мы сразу поняли. Но все равно подошли ближе — куда еще было идти? На просторном лугу стояли семь домов, черных, хмурых, с высаженными окнами. Над ними полыхало злое солнце — не щедрое, как в Черных Королевствах, к примеру, а какое-то ядовитое.

Неожиданно Конан тронул меня за плечо.

Я обернулся. Крыша одного из домов слегка дымилась. И вдруг, в одно мгновение, огонь вырвался наружу и закричал, раззвеваясь в небе. Откуда-то взялся верховой ветер, и огонь прыгнул на соседнюю крышу. Остальные дома стояли в стороне и потому не занялись.

Мы сбились в кучу, глазея на пожар. Дома горели в полном безмолвии и одиночестве, и никто поблизости не оплакивал погибающее имущество и не мчался с водой. Никто, кроме нас, даже не узнал о несчастье. И такая безысходность чувствовалась в этом пожаре, вспыхнувшем в брошенной, забытой, никому не нужной деревне, что сердце у меня поневоле сжалось. Попадись мне тот негодяй, который украл и околдовал артефакт, — кажется, я порвал бы его голыми руками!

Я прижался к Эрриэз и потихоньку высморкался в подол ее полосатой юбки.

Мы спустились в ложбинку и обнаружили там мелкую речушку, бежавшую по разноцветным камешкам. Довольно долгое время мы провели в воде, но и сюда долетали белые клочья пепла. Наконец, Конан забрался на крутой бережок и крикнул, что дома догорели. Тогда мы вернулись в деревню.

Пять уцелевших домов стояли перед нами. Мы могли занять любой из них и жить, сколько вздумается, нас никто бы не прогнал. Но было в них что-то жуткое, что делало невозможной даже мысль о том, чтобы поселиться здесь надолго.

Потом я понял: отсюда ушли домовые духи. А это еще хуже, чем если

бы отсюда просто выехали люди. Если даже нечисть решила, что место дурное, то человеку делать тут совершенно нечего.

Я так и сказал.

— Мы не собираемся здесь жить, — заверил меня Конан. — Мы переночуем, а завтра па первой заре уйдем.

Мы осторожно поднялись на высокое крыльцо, стараясь ступать как можно тише. Тишина стояла первозданная.

Дом был разгромлен, словно люди, покидая его, торопились. Добротная старинная мебель валялась перевернутая, сундуки стояли с распахнутыми крышками. Но печь была еще цела, и на полке стояли глиняные горшки, на стене висели всякие приспособления для кулинарии, которые живо напомнили мне орудия пыток, бывшие в широком употреблении в моем родном Хоршемише.

На окне Эрриэз увидела деревянный ларец, обтянутый темным коленкором и выложенный медными пластинами. Она раскрыла его, но ларец был пуст. Под треснувшим зеркалом лежали клочки ткани и затупленные иглы из рыбьих костей. Потом мы нашли под столом детскую колыбель, сплетенную из прутьев.

Мы поднялись на чердак. Лестница была построена капитально, так что даже мне не пришлось делать над собой усилие, чтобы забраться по ней. Странно, но еще сохранилось и не вполне сгнило сено, а в углу я нашел шерсть и гребень для нее. Я с подозрением покосился на Эрриэз.

Если она все же кикимора, то не выдержит — вцепится в кудель. Для ихней сестры первое дело — пряжа и прочие бабы радости.

Но Эрриэз осталась к клокам шерсти равнодушной, и я просто терялся в догадках. Значит, она не кикимора? Но и не человек, это ведь ясно. Тогда кто?

«Не угадаешь, дурак», — услышал я у себя в голове ее злорадный голос.

«Сама ты дура», — подумал я в ответ.

И тут я нашел в клочках шерсти нечто такое, из-за чего сразу забыл все наши склоки и раздоры.

Я увидел мертвого домового духа. Он был совсем крошечный, ссохшийся, седенький, заросший волосенками и словно запутавшийся в шерсти и нитках. Глазки у него были пустые, бесцветные, без зрачков. Он до самой смерти так и не закрыл их, все смотрел куда-то в потолок. И рот у него был полуоткрыт. Во рту поблескивал зуб. Он был легкий, как веретено. Я не хотел, чтобы Конан или Эрриэз увидели его, и потому осторожно прикрыл трупик клочком сена.

— Я хочу есть, — заявил я очень громко. — Эрриэз, слышишь?

Она не успела ничего заподозрить, потому что Конан тоже шумно потребовал пищи, и мы втроем спустились с чердака. На душе у меня было прескверно.

Эрриэз принялась шарить по полкам и довольно скоро обнаружила плетеную корзину, в которой сохранилось немного муки. Девушка ловко замесила тесто в старенькой глиняной плошке. Прядка желтых волос все время падала ей на глаза, и она мотала головой, отбрасывая ее. Мы с Конаном сидели на неудобной горбатой крышке сундука и восхищенно наблюдали за ней. Если девицей не восхищаться, она вообще работать не будет, вот мы и старались изо всех сил.

Эрриэз вдруг подняла глаза:

— А представляете, сколько вкусных вещей готовилось когда-то в этой плошке?

Я как раз думал об этом и потому, когда Эрриэз произнесла мои мысли вслух, встретился с нею глазами и предупреждающе нахмурился.

Глава пятая

Маленькая храбрая Эрриэз

Следующие два дня я все время возвращался мыслями к тому, что увидел в заброшенной деревне и на старом кладбище. Кому это, кстати, пришла в голову умная мысль насадить бога на копье? Жуткие людоеды здешние жители, честное слово.

Я размышлял, сопоставлял увиденное с тем, что некогда слышал от Гэланта или других встреченных мною людей. Иногда я чересчур увлекался раздумьями, и потому шаг мой утратил размеренность.

Когда я цеплялся ногами за сучья и падал в канавы, Конан ругался и угрожал бросить меня умирать одного на дороге, если я по глупости своей переломаю себе ноги. Впрочем, я ему не верил.

Мы так и шли: Конан впереди, я за ним, а сзади — Эрриэз. Создавалось впечатление, что мы движемся куда-то вполне целеустремленно, но я-то понимал, что мы топаем наугад, и неизвестно еще, во что все это выльется. А девица с нами увязалась, я думаю, все же неспроста.

Я предполагал, что ее надоумил Гrimнир — не знаю уж, кто он такой. И, что самое хитрое: ее отправил с нами, а сам сгинул неизвестно куда. Тайком исчез.

Конан шел и шел по лесной дорожке своим ровным шагом, словно он никогда не уставал. Я знал, что он так и будет идти, ни разу не споткнувшись, пока внезапно не остановится и не объявит, что неплохо бы и отдохнуть. И тогда можно падать на обочину и ждать, пока он собирает костер и найдет воду для похлебки.

По обочинам опять возникла трясина, причем, еще более гиблая, чем несколько дней назад. Нас окружало теперь целое море сплошной чернокоричневой жижи с маслянистыми лужами, которое то и дело бугрились и булькало. Такое хоть кому испоганит настроение, а я вообще легко поддаюсь внушениям и потому приуныл.

И к тому же у меня возникло... ну, предчувствие, что ли. Не скажу, что определенно стало труднее дышать, но что-то вокруг нас неуловимо изменилось. Словно бы в воздухе разлилось недоброжелательство. Словно кому-то очень не хотелось, чтобы мы тут шли. Хотя мы вели себя примерно

и тихо, веток зря не ломали, живность без особой надобности не убивали.

Я не хотел, чтобы Конан о чем-нибудь таком догадывался. Незачем тревожить его раньше времени. Поэтому я решил вслух ничего не говорить, а вместо этого подумал, обращаясь непосредственно к Эрриэз:

«Эй, ты... кто ты там... Это твоя работа?»

Она не ответила.

Я мысленно заорал:

«Эрриэз! К тебе же обращаются, кикимора болотная!»

Я почувствовал злобный взгляд у себя на затылке. Прямо в ухо мне прошипел ее змеиный голос:

«Заткнись, лопоухий!»

«Ты чувствуешь, как что-то давит на нас, Эрриэз?» — подумал я и порадовался своей выдержке. Вежливый я все-таки, когда в этом возникает острая необходимость.

Она не успела ничего ответить, потому что неожиданно Конан остановился. Поскольку я давно чуял недоброе и испугался ужасно, то сразу же побежал и сунулся к нему под мышку. Эрриэз тоже подошла и прижалась к нему с другого бока. Липучка несчастная. Он положил руку мне на плечо.

— Смотрите, — произнес он вполголоса.

Прямо перед нами лежала непроходимая полоса. Справа и слева приветливо булькала трясина — только и ждала, когда мы шагнем с дороги в сторону. Бревна, положенные поперек болота, были густо утыканы ржавыми шипами, высотой примерно в полтора-два дюйма, очень острыми и, что весьма возможно, ядовитыми. Это безобразие тянулось ярдов на двадцать. Дальше дорога шла в гору, и трясина заканчивалась.

— А ведь кто-то очень не хочет, чтобы мы шли дальше, а? — произнес Конан, и по его, голосу я понял, что он страшно доволен. Просто счастлив. На него это похоже.

— Нашел, чем радоваться, — буркнул я. — Надо поворачивать. Зря мы вообще ввязались в это дело.

— Мы еще никуда не ввязались, — возразил он. — Но скоро ввяземся. Что ты там говорил про какой-то артефакт?

Так и есть. Из моего бормотания под нос он каким-то образом выловил самое главное. Дурацкая привычка думать вслух! Я даже не помню, чтобы упоминал об этих опасных вещах, когда жаловался на жизнь, а он, оказывается, прислушивался и даже нечто понял.

— Конан, — сказал я, высвобождаясь из-под его руки. — Вот объясни мне, почему ты слушаешь мысли, которые вовсе не для тебя

предназначены?

— Я случайно, — сказал он. — Ты же не предупредил меня, чтобы я не слушал, верно?

Он, конечно, был прав, хотя неплохо бы самому соображать, а не ждать моих предупреждений. Я решил больше не трогать опасную тему.

— Судя по этому мощному заграждению, неприступному даже для боевых верблюдов... — начал я.

— Здесь не водятся никакие верблюды, — укоризненно встряла Эрриэз.

— Девице вообще неприлично рассуждать о боевых верблюдах, — отрезал я. — Девице прилично рассуждать только о домашнем хозяйстве.

Поставив ее таким образом на место, я замолчал.

— Ну так что? — не выдержал Конан. — Начал — так заканчивай. Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что это препятствие является косвенным доказательством того, что мы на верном пути. Если мы ищем неприятностей, разумеется, — поспешил добавил я. — По мне так самым верным путем будет путь назад.

— Никогда, — объявил Конан. — Я назад не пойду, не надейся.

Я мрачно покосился на него. Я имел с ним дело без малого два года и за этот срок успел уже твердо усвоить: спорить с киммерийцем бесполезно.

Поэтому я задумался. Налицо факт: Конан, который решил пройтись по смертоносным шипам, чего бы это ему ни стоило. Налицо также другой факт: полная невозможность это сделать. Нужен помощник, который владел бы достаточно результативной магией.

Эрриэз... Вряд ли она что-то умеет. Кикиморы или русалки в подобных ситуациях бесполезны. Да и не захочет она раскрывать свою истинную природу. Для Конана она по-прежнему просто девочка, беззащитная и очень хорошенъкая. Вон как он на нее смотрит. Я тоже стал смотреть на Эрриэз, чтобы она не воображала, что он на нее смотрит просто так. Пусть думает, что мы оба смотрим на нее с надеждой.

Но она, оказывается, даже не замечала нас. Она побледнела и с отрешенным видом повернулась к этим шипам спиной.

— Что с тобой? — Конан очень удивился и хотел было взять ее за руку, но я остановил его.

Она сложила ладони под подбородком, словно собирая в одно целое все то немногое, что называется на земле «Эрриэз». Потом медленно развела ладони, отдавая это целое окружающему миру. Губы ее были

плотно сжаты, но я уловил еле слышный шепот — то ли ветер прошелестел, то ли ее мысли, которые она не могла удержать в тайне. Это было странное заклинание, вроде детской считалочки:

Эрриэз — раз, Эрриэз — два, Эрриэз — палая листва...

Пузыри в трясине надувались и вспыхивали радужными разводами, словно чьи-то глаза, которые следили за нами с возрастающим неудовольствием. Вырастая до размеров моего кулака, глаза эти лопались и тут же вздувались снова, уже в другом месте.

— ... Эрриэз — палая листва... — повторил голос и почти беззвучно выдохнул или простонал: —... а-а-а...

Она медленно осела на землю и откинулась назад, спиной на острые шипы. От рук, от белых косичек побежала зелень, и через мгновение все эти колючки были закрыты плотным, в несколько дюймов, слоем густого мха, в котором покачивались тоненькие золотисто-коричневые цветочки.

Конан смотрел на все это широко распахнутыми глазами.

— Что это, Кода? — спросил он шепотом и вцепился в мою руку.

— Рот закрой, — деловито сказал я. — Ты еще не понял? До чего ты наивный, Конан, просто удивляюсь. Она дурачит тебя, прикидывается человеком, и тебе даже не приходит в голову заглянуть в ее мысли и вычитать там как по-писаному, что ей уже лет двести, что она нелюдь и многое что еще...

— Я не читаю чужих мыслей, — заявил он, помрачнев.

Только подслушиваешь, подумал я и, ступив на мох, для верности немного потоптался.

— Она превратилась, — сказал я. — Молодец девчонка! Тут мягко и шипы не прокалывают. Лучше всего не идти, а катиться, так давление меньше.

Он все еще медлил.

— Не могу я, — признался он. — Боюсь сделать ей больно.

Стоя на мху, я не выдержал и заорал:

— Так выхода же другого нет! Она ведь нарочно это сделала, чтобы мы могли идти дальше...

По мху прокатился вздох, и Конан, наконец, решился. Придерживая меч, он опустился на кромку мха и быстро, как будто его запустили хорошим пинком, перекатился на другую сторону ловушки. Я торжественно следовал за ним.

Да, молодец все-таки эта Эрриэз. Отбросила ложную гордость и показала, кто она есть. Ведь даже от феи может быть толк, если, конечно, фея постарается.

Мы выбрались на холм и почти сразу же нашли родничок. Вода в нем была необыкновенно вкусной, и я надеялся, что она не содержит в себе яда. Я уже нарисовал себе в мыслях приятную картину, как мы тут отдыхаем и прохладдаемся в покое и уюте. Поэтому я, позабыв усталость, принялся помогать, распаковал вещи и принес немного веточек, пока Конан валил высохшее деревце.

Мох все еще лежал, и никакой Эрриэз не было в помине.

— Может быть, с ней что-то случилось? — спросил Конан, подвешивая котелок над огнем.

— Ты добр и потому не умен, — сказал я. — Она фея, говорят же тебе. Что с ней сделается?

Мне почему-то понравились, что он так о ней беспокоится. Но он меня не слушал. Встав на ноги, он обвел глазами лес и болото. Уже начало темнеть, так что в сумерках он сумел разглядеть совсем немного.

— Ты последи за огнем, а я сейчас приду, — заявил он и зашагал вниз, к трясине.

Из темной ложбинки донесся его крик:

— Эрриэз!

В голосе звучало столько тревоги, что я чуть не упал в костер.

За моей спиной что-то зашуршало. Я резко повернулся и сразу же вытаращил глаза — желтые, круглые. Они всегда производят сильное впечатление на незваных гостей. В закатных землях Пустынный Код — весьма редкое явление, они все поначалу пугаются, потому что не знают, чего от меня можно ожидать.

Но это была Эрриэз. Грязная, вся в лохмотьях, еле живая от усталости и, по-моему, страшно смущенная.

— Явилась, — проворчал я, тоже почему-то чувствуя неловкость. И, встав во весь рост, крикнул, обращаясь к ложбинке: — Конан! Она здесь!

Он примчался почти в тот же миг, и физиономия у него была встревоженная. Еще меньше мне понравилось, как он схватил ее за руки и, слегка отстранив, принялся изучать взглядом ее многочисленные царапины.

— Эх, ты... — сказал он и ласково усадил ее на бревно возле нашего костра.

— Я чародейка, — тихонько созналась она. — Ты уж прости, Конан. Не хотела тебе говорить.

— Не надо ничего говорить, — сказал он. — На самом деле все это ерунда.

— Если хочешь знать, Эрриэз, — сказал я, — у Конана даже была одна

знакомая богиня.

Я думал, что Эрриэз сразу поймет, что имеет дело с важными особами, и перестанет задирать нос, но она как будто не расслышала моих слов.

— Завтра я буду в полном порядке, — сказала она. — Шипы были здорово ядовитые, но для мха неопасные. И для чародеек тоже. — Она слегка покраснела под разводами грязи. — А вот человеку смерть. Я потом еле содрала с себя отравленный мох... Ладно, это все мелочи. Главное — что мы прошли.

— Главное даже не это, — заверил ее Конан.

Его глаза сияли, и мне это ужасно не нравилось. Таким он становится, когда чует надвигающуюся опасность. В отличие от нормальных людей, Конан почему-то радуется, встречая на своем пути различные неприятности. Он уверяет, что это разнообразит его скучную монотонную жизнь.

— А что, по-твоему, главное, Конан? — спросил я. Ответ превзошел все мои наихудшие предположения.

— Главное, Кода, что мы теперь точно знаем: кому-то не нравится, что мы идем этой дорогой. Значит, мы идем куда нужно.

— А... ты нашел себе занятие по душе? — горько произнес я. — Будешь спасать неизвестно кого от неизвестно чего. А я только Пустынный Кода. Я хочу нормально дожить до старости.

Он уже привык к тирадам подобного рода и перестал обращать на них внимание. Я это знал и ворчал больше для порядка. Чтобы он не очень расслаблялся.

Эрриэз задумчиво терла красочный кровоподтек на ноге пониже колена. Я догадался почему-то, что он возник на том месте, где я потоптался, доказывая Конану, что с девчонкой ничего не случится, если по ней немного походить ногами.

Она заметила, как я смотрю на нее, и уши мои предательски покраснели. А она засмеялась, как будто увидела нечто очень приятное, и погладила меня по голове.

Глава шестая

Стихийное бедствие

Я проснулся раньше всех. Конан развалился прямо на траве, положив под голову трухлявое бревно. Представляю, как это возмутило обитавших там козявок. Конан в состоянии спать где угодно и сколько угодно. Помоему, он даже умеет отсыпаться впрок. Утреннее солнышко еще не забралось под куст, избранный моим другом-человеком в качестве резиденции. По Конану сновали какие-то жуки, но подобные мелочи не могли разбудить этого упрямца. Эрриэз прикорнула, завернувшись в его плащ. Во сне она трогательно посапывала.

Болото осталось позади, и настроение у меня значительно улучшилось — я даже решил приготовить для всех завтрак. После ловушки с шипами дорога пошла вверх и вывела нас на берег лесной речки. Симпатичная такая черная речушка в густо заросших берегах, вся покрытая пятнами кувшинок. Чем-то она очень напоминала ленивого обожравшегося удава.

Я аккуратно сложил дрова, приготовленные с вечера Конаном, поджег их и повесил над огнем котелок. Утро занималось свежее, чудное, но я заранее видел уже, что к полудню начнется духота.

Я стал варить кашу из толченой крупы. Каша — гадость, это вам любой Пустынный Код скажет. То ли дело сочные листья какбатула, который растет в Погибельных Зыбучих Песках. Что это такое — объяснять бесполезно, если вы не пробовали. Но когда очень хочется есть, то и каша пойдет, а с тех пор, как я связался с Конаном, я постоянно хочу есть.

Невидимый в ярком утреннем свете огонь потрескивал и обдавал сухим жаром мои колени, когда я присаживался рядом на корточки. Река беззвучно струилась внизу, а синие стрекозы проносились надо мной, прекрасные и чуткие, как стрелы.

Я позвал громким шепотом:

— Конан!

Он тут же проснулся, лениво похлопал ресницами и сел. Первым делом нашел глазами Эрриэз, а потом улыбнулся мне, приветливо и чуть-чуть виновато. За это я его моментально простил и сказал довольно грубо, чтобы он не воображал о себе лишнего:

— Между прочим, пока кое-кто спал, другой кое-кто позаботился обо

всех остальных.

Конан легко встал, прошел мимо костра, сунул нос в котелок, где булькало, плавилось и неудержимо пригорало варево, а потом, как был, в одежде, рухнул с обрыва в воду. Я даже подскочил. Никогда не знаешь, чего от него ожидать в следующий миг.

Эрриэз беспокойно зашевелилась под плащом. Из-под обрыва донесся победный вопль Конана. Так орут жители пустыни, когда большой толпой гонят на смерть врага. Я уже привык к его отвратительным манерам, но Эрриэз, кажется, перепугалась. Бедняжка забыла о всякой осторожности, и на меня обрушился поток ее бессвязных мыслей, и в каждой бился страх.

— Не бойся ты, — снисходительно произнес я вслух, чтобы до нее скорее дошло. — Мой друг пошел принять освежающую ванну. Надо же когда-то привести себя в порядок. Не все могут жить растрепами, знаешь ли.

А вид у нее действительно был жалкий. К утру все ее синяки как следует проявились, и девчонка приобрела сходство с пятнистой гиеной. Несчастная такая, всклокоченная гиена с испуганными глазами.

Конан вылез на берег, жутко довольный собой. Вода текла с него, как с водяного, с шеи свешивались склизкие водоросли — подцепил уже. Глаза так и сияли.

— А там, оказывается, ключи подводные бьют, — сообщил он и, заливая все вокруг, уселся возле костра.

Я и не заметил, как девчонка скрылась. Конан огляделся по сторонам и громко позвал ее:

— Эрриэз! Ты где? Эрриэз!

— Я здесь, — тихо откликнулась она неизвестно откуда. — Я... мох...

— Иди завтракать, мох, — пригласил Конан, как ни в чем не бывало. Можно подумать, он встречает таких девиц ежедневно.

— Я некрасивая, — пропищала она жалобно. — И старая. Мне двести восемь лет.

Я не понял, откуда она появилась. Она просто встала с земли и сделала вид, что ничего особенного не произошло. Мало ли какие вещи по неосмотрительности случаются. Вот, нечаянно превратилась в мох.

«Кокетка противная», — сердито подумал я. Она в ответ только посмотрела на меня умоляюще.

Мы начали есть, сталкиваясь ложками в тесном котелке. Каша была с дымком, довольно вонючая. К тому же, из костра в нее насыпался пепел и даже какая-то обгоревшая веточка хрустнула на зубах.

Мы уже заканчивали пашу невкусную трапезу, когда кусты на берегу

зашевелились, и оттуда высунулись морды.

Сначала одна.

Потом сразу десять.

От неожиданности Конан откусил кусок деревянной черпалки, которая в тот момент, к несчастью, оказалась у него во рту.

Морды были человеческие. Тупые, целеустремленные, с безмозглыми, горящими взорами. Все они были абсолютно одинаковые, как будто их одна мама родила и одна нянька воспитала.

Я не понял даже, люди это или все-таки не совсем люди. Может быть, и люди, только совершенно отупевшие от единственной мысли, которая засела в их куцых мозгах в качестве смысла жизни: никого не пускать за реку. Не знаю уж, кто их так изуродовал.

Вид у них был жуткий, и я перетрусил. На моем месте любой Пустынный Кода уже давно ударился бы в бегство, и то, что я все еще стоял и смотрел, как они лезут из кустов и выстраиваются на берегу, было уже само по себе героизмом.

Ни одной связной мысли от кустов не доносилось. «Убить... Убить...» Надоело даже слушать. А они все лезли и лезли. По-моему, там притаилась целая армия.

Конан вскочил, оттолкнул Эрриэз, которая исчезла под обрывом, и бросился к своему оружию. «Сопротивляться бесполезно, — вяло подумал я, — в любом случае они его прикончат. Он может быть богом войны, хоть самим Сетом, они его просто задавят численностью».

Их набежало уже около сотни. Кто знает, может быть, это были местные жители, подвергшиеся изменениям?

Может, их завербовал в банду злой волшебник? Или они не выдержали пыток и перешли на сторону неприятеля? Не исключено, что каждый из них по отдельности был в домашних условиях вполне приличным человеком. Но сейчас налицо имелась дикая орда, одержимая идеей перерезать нас.

На всякий случай я послал им несколько устрашающих сигналов. Я не очень надеялся на успех, но это, как ни странно, подействовало. Они не набросились на нас сразу, а замялись и принялись топтаться в десяти шагах от Конана. Я понимал, что пауза долго длиться не может. Сейчас эти болотные шакалы очухаются.

И тогда, словно огромный храмовый колокол ударили у меня в ушах, и я понял, что настала пора.

Я Пустынный Кода, я дух зла, насилия и смерти. Это меня отгоняли бесстрашные обитатели крепости Аш-Шахба, ударяя в свой огромный

колокол, стоящий на пьедестале из цельного камня посреди центральной городской площади. И тогда я отступался от Аш-Шахба, хохоча и завывая. Этот глубокий звон наполнял меня яростью и жаждой разрушения и, скрывшись в пустыне, я бесчинствовал вовсю. Впрочем, тогда я был подростком и страдал всеми комплексами переходного возраста...

Конан ждал нападения врагов. Я понимал, что он их не боится, но вряд ли это ему поможет.

Я выпрямился. Прислушался к миру. Огромный и больной, он лежал вокруг меня и чутко отзывался на мои призывы. «Хороший ты мой, — подумал я, словно обращался к загнанному конго. — Сейчас мы с тобой устроим тут стихийное бедствие».

Я позвал огонь. Воду. Камни. Неожиданно мне ответил песок. В миле от нас находился песчаный карьер. Дорогу они тут когда-то строили, что ли?

Я вскинул руки, собирая ветер, и деревья на холмах внезапно зашумели. Я послал его на карьер, за песком, и велел вернуться.

И он вернулся. Я свил его в смерч. Извиваясь, он стремительно несся к нам с холмов. Я завил его так круто, что он почти не ронял песка.

— Конан! — крикнул я. — Ложись! Ложись лицом вниз! Прикрой голову!

Он все еще медлил, не решаясь опустить меч.

— Ложись! — заорал я в бешенстве.

Смерч обвился вокруг меня. Глаза мои засветились желтым светом, плащ взлетел над плечами, как драные крылья, шерсть встала дыбом. Я поднял руки и с силой выбросил их вперед, указывая на бандитов.

И вся ярость стихийного бедствия обрушилась на них. Песок забивался в глаза, в нос, в уши. Ветер швырял людей на деревья, тащил сквозь кусты, поднимал на высоту десяти-двенадцати ярдов и отпускал.

Давно я так не веселился. Не то, чтобы мне доставляли особую радость чужие страдания. Просто люблю хорошую работу. Приятно было видеть, что я не разучился еще соединять силы природы, направляя их разрушительную мощь на врагов.

Все стихло так же внезапно, как и началось. На холме образовалась изрядная куча песка. Я буквально стер бандитов с лица земли. Несколько деревьев, вырванные с корнем, лежали на берегу. Я был очень доволен собой.

Конан продолжал лежать на траве, не шевелясь. Немного испугавшись, я подбежал к нему и потрогал его за плечо.

— Вставай, — сказал я. — Все кончено.

Он тяжело оперся локтями о землю и встряхнул головой.

— Что это было, Кода? — спросил он сипло.

— Небольшое стихийное бедствие, — небрежным тоном бросил я... — Смерч.

— Кода, — сказал он, — а эти... которые хотят нас уничтожить... не знаю уж, кто они такие...

— Жалкие наемные убийцы, — вставил я.

— По-твоему, они жалкие? Мне так не показалось. Ты же видел этот смерч! — возразил он. — Кто его, по-твоему, на нас наслал?

Тут я обиделся:

— Во-первых, не на нас. А на них. А во-вторых... среди нас, между прочим, имеется дух насилия, разрушения и зла. За кого ты меня принимаешь, человек? — высокомерно произнес я, заворачиваясь в свой плащ. Уж очень я обозлился. — Я Пустынный Кода. Я могу, если хочешь знать, вызвать такой ураган, что от Боссонских топей не останется даже воспоминания. Все будет ровное, как сковородка. И присыпанное сверху песочком. Какой-то примитивный смерч вообще не стоит упоминаний.

Я, конечно, загнул, но он здорово меня разозлил. Ведь не первый же год меня знает, кажется, мог бы уже понять, что я вовсе не щучу, когда характеризую себя как прибежище зла и сеятеля стихийных бедствий.

Он сел. Взял меня обеими руками за уши и потерся носом о мою шерсть.

— Кода, — сказал он. — Я виноват. Ты настоящий герой, ты нас всех спас. Ты действительно великий злобный дух пустыни.

Я с достоинством высвободился.

— Это мне известно и без тебя, человек, — сказал я.

Из-под берега показалась Эрриэз — две торчащих косички, синяк под моргающим глазом. Я смерил ее взглядом. «Поняла, с кем имеешь дело?» — подумал я, не скрывая своего торжества.

Она, видимо, поняла. Потому что остаток дня я провалялся на травке, ковыряя щепочкой в зубах, а Эрриэз с Конаном, стоя по колено в ключевой воде, вдвоем отирали котелок от подгоревшей каши.

* * *

Был уже поздний вечер. Мы решили провести па берегу черной

речушки еще одну ночь и как следует отдохнуть после пережитых потрясений. В конце концов, торопиться нам было некуда.

Мы закончили дела, которые неизменно возникают в течение дня и которые Конан в минуты философских раздумий называет «хламом жизни», и теперь лениво развалились возле костерка. Жаркий свет костра заливал физиономию Конана, и я думал о том, что чертовски привязался к нему за эти годы и мне будет очень плохо и одиноко, когда его, наконец, убьют.

Неожиданно он насторожился. Сперва он замер, прислушиваясь к чему-то, потом поднялся на ноги и метнулся в кусты, росшие ярдах в пятнадцати от нашего лежбища.

Я ровным счетом ничего не слышал и теперь, привстав, Изо всех сил вытягивал шею, пытаясь разглядеть, что же там происходит в темноте.

Наконец, до меня докатилась такая волна чужого страха, что меня чуть не стошило — уж на что я ко всему привычный!

Конан выволок из кустов белобрысую личность, у которой глаза на лоб лезли от ужаса, что придавало его роже, и без того малопривлекательной, вид совершенно идиотский. Личность была выше Конана почти на целую голову и шире ровно в два раза. Я предположил, что это единственный, кто уцелел после моего стихийного бедствия.

Эриэз встала, тревожно взглядываясь в темные фигуры мужчин — Конана и его добычи.

— Сядь, — сказал я ей тоном бывалого рабаки. — Он его все равно сюда приволочет.

Я не ошибся. Белобрысый вскоре предстал перед нами. С ним можно было особенно не возиться. Я откинул капюшон, посмотрел на него своими круглыми светящимися в темноте глазами и подергал немногого носом — этого хватило. Я чуть не помер со смеху, когда он разинул рот, поспешно зажал его ладонями (каждая размером с лопату) и вытаращился на меня с диким ужасом.

Потом он шарахнулся в сторону и снова столкнулся с Конаном, который стоял на границе светового круга с мечом в руке, словно охраняя костер от ночного мрака.

Белобрысый заметался, теряя на ходу остатки своего (и без того не слишком мощного) рассудка. Наконец, выбрав из нас двоих человека, он бросился Конану в ноги.

Мой киммериец так растерялся, что я снова захотел. Неожиданно Конан рявкнул на меня:

— Заткнись, Кода! Я подавился.

Он отступил от громилы на шаг и еще более злобным голосом велел ему подниматься на ноги. Стоя на коленях, громила преданно мотал головой.

— Дурак, — со вздохом сказал Конан. Он обошел громилу по кривой и снова сел к костру. Пленник поспешил передвинуться так, чтобы стоять к нему лицом. Я заметил, что несмотря на свое сугубо мирное поведение, Конан все же держал меч наготове. Умница он у меня все-таки, подумал я растроганно.

Громила шумно вздохнул и помялся. — Иди сюда, — негромко произнес Конан. Он уже успокоился и хотел кое-что выяснить.

— Не убивай меня, — пробубнил громила, не трогаясь с места.

Конан презрительно скривился.

— Кому ты нужен...

Громила осторожно подсел к костру, покосился па Эрриэз, которая глазела на него, по-детски приоткрыв рот, потом боязливо перевел взгляд на меня, и его передернуло. Надо же, какой чувствительный.

— Ты голодный? — спросил Конан. Громила тупо уставился на него, словно не понимая, о чем его спрашивают. Конан вытащил из мешка кусок хлеба, немного подмокший, но вполне съедобный.

— Есть хочешь? — повторил он.

Громила осторожно потянулся к хлебу. Взял, подержал на весу и принял заталкивать в рот. Человек — ну что с него взять! Конан терпеливо ждал, пока он перестанет чавкать и, склонившись над мечом, лежавшим поперек его колен, к огню, смотрел, как корчится и догорает тонкая веточка. Мне показалось, что он был чем-то расстроен. Громила, наконец, расправился с хлебом. Не отводя глаз от огня, Конан заговорил с ним.

— Как тебя зовут?

Негодяя звали Хруотланд. Красивое имя. Осталось только сожалеть о том, что оно досталось полуумному убийце.

— Зачем вы напали на нас, Хруотланд? — спросил Конан так равнодушно, как будто речь шла о каких-то посторонних людях.

Хруотланд заморгал и снова приоткрыл рот. Отвечать он, судя по всему, не собирался. Конан машинально тронул свой меч. Этот жест не ускользнул от внимания громилы, который вытянул вперед руки, словно отстраняясь, и жалобно взвыл:

— Не убивай меня, господин!

— Кром! — рявкнул Конан. — Где ты живешь?

— Местный, — с готовностью проговорил Хруотланд. — Мы все

местные. Раньше по разным деревням жили, а теперь собрались в одну. Мало нас, жмемся поближе друг к другу...

— Зачем же вы на нас напали?

Белесые глазки Хруотланда бессмысленно замерли. Конан нахмурился, и неподвижное рыло этого тушицы снова ожило — от страха, надо полагать.

— Не знаю, господин, — произнес он с тяжелым вздохом. — Вы это... чужие. Да и нечистый с вами... — Он почему-то покосился при этих словах на Эрриэз, которая покраснела от негодования. — Девочка ваша тоже очень подозрительная. Кто вас знает, господин, — заключил он. — Мор, неурожай, то, се... Зачем рисковать, верно?

И он заискивающе улыбнулся. Вот ведь мерзость. Я вам тут устрою по полной программе — и мор, и неурожай. Все получите, голубчики, и в больших количествах.

Хруотланд замолчал, и я приметил, что он начинает косить глазами в темноту, помышляя о побеге. Но он боялся. Боялся человека, который не бил его, не ругал, не угрожал, а наоборот, угостили и предложил согреться у костра. — Здесь есть какие-нибудь чародеи? — спросил Конан неожиданно.

Этот вопрос почему-то не вызвал у местного жителя приступа тупоумия.

— Был да помер, — ответил он с готовностью.

— Кто научил вас нападать на всех чужих?

— Не знаю, — тоскливо сказал Хруотланд. Я видел, что он и в самом деле не знает. — Вы ищете Чудовище, правда?

Он с надеждой уставился на Конана. Это была его первая попытка сделать самостоятельное умозаключение.

Конан сразу насторожился.

— В первый раз слышу о каком-то чудовище, — заявил он.

— Ну... Чудовище... — протянул Хруотланд.

Ему явно не хватало слов для того, чтобы выразить обуревавшие его чувства. — Змей, можно сказать... Удав! — выпалил он, вскинув прояснившиеся на мгновение глаза. Затем они снова помутнели, и он добавил упавшим голосом: — Ядовитый...

— Откуда оно взялось?

— Оттуда, — многозначительно прошептал громила и замолчал, шевеля губами.

Конан вцепился в него мертвой хваткой. Наконец-то у зла появились и облик, и имя!

— Где оно, это ваше чудовище?

— Правильно идете, господин. Все прямо, прямо. За реку. Увидите.

Громила поднялся и втянул голову в плечи. Конан молчал угрожающе.

Громила лихорадочно порыскал в своей памяти и выдавил:

— Вонючее оно...

Конан помолчал еще немного. Громила уже был готов пасть на колени, умоляя о пощаде. Наконец, Конан сказал:

— Убирайся отсюда... Смотреть на тебя противно.

Хрутланд не сразу осознал, что его отпускают на все четыре стороны, пока Конан не топнул ногой и не заорал на него, окончательно потеряв терпение:

— Убирайся, я сказал!

Громила шмыгнул носом и, пятясь, выбрался в темноту. Через секунду мы услышали топот — он удирал от нас со всех ног. Конан плонул.

— Давайте спать, — предложил он и тут же начал устраиваться.

Я долго еще смотрел, как догорает костер. Спать мне совсем не хотелось. Эрриэз тоже долго не могла уснуть. «Ну вот, — подумал я специально для нее, — удав какой-то ядовитый выискался... Наконец-то мы нашли себе развлечение. Что скажешь?»

Эрриэз не ответила.

Глава седьмая

Мы встречаем чародея

Прошел еще один день. Конан ни за что не хотел поворачивать назад. Кроме того, как я понимаю, его терзало любопытство, Ах, как это, право, интересно — угробиться, но перед смерти все же выяснить, кому и с какой стати не понравилось, что он решил прогуляться здесь в компании своих друзей?

Мой подвиг остался на берегу черной речки, и о нем никто уже не вспоминал. Мы шли втроем по бесконечной холмистой равнине. Ветер свистел у нас в ушах, тучи неслись, регулярно поливая нас дождем — жары как не бывало.

— Вон, впереди, видишь дерево? — сказал мне Конан.

Я видел дерево. На много миль вокруг тянулась равнина, когда-то распаханная, а теперь заросшая лебедой и ромашкой, и только одно дерево маячило впереди на холме. На него-то и указывал Конан.

— Вот там мы пердохнем, — сказал он.

Я уныло кивнул. До отдыха, стало быть, не так уж близко, но с Конаном спорить не приходится. Даже Эрриэз идет молча, а мне, разметавшему в одиночку полчища врагов, вообще не пристало доказывать свою слабость.

Я поплелся дальше. Когда конец пути виден, идти все-таки легче.

— Знаешь, Конан, — сказал я в порыве доброго чувства. — Ты хоть и профессиональный убийца, а все-таки хороший человек.

Не оборачиваясь ко мне, он подавился смехом. Я решил не обижаться. Привычка смеяться не вовремя — не самая худшая из его привычек.

Ромашки пахли оглушительно. У меня от них, по-моему, какое-то раздражение на ухе выскочило. Я отчаянно поскреб ухо пальцем. «Это у тебя от грязи», — злорадно подумала Эрриэз.

Я обернулся и посмотрел на нее в упор. Светлые жесткие волосы торчат, как перья, из-под мягкого чепчика, нежно-лиловое пятно синяка расплывается по левой скуле, рубашка изодрана в клочья и вся в потеках пота...

— Ты бы хоть иголку с ниткой себе соорудила, — сказал я, не снисходя до обмена мыслями. — Оборванка. Стыдно рядом с таким пугалом в

приличном обществе показаться.

— Ненавижу домашнее хозяйство, — ответила Эрриэз. — Пора бы уж это усвоить, Кода.

«А кто его любит?» — подумал я, пожал плечами и отвернулся. Эрриэз за моей спиной покраснела, но мне до этого дела нет. Пусть краснеет, если ей так хочется.

Я прикинул расстояние от нас до дерева — скоро ли обещанный привал. Получалось, что не очень скоро.

Когда мы поравнялись, наконец, с деревом и уже осматривались на ходу в поисках дров и кольев, поднялся ветер. Дерево зашумело. Деревья любят преувеличивать. Их чуть тронешь, а они уже шумят, пытаются произвести впечатления. Хотя в целом деревья, насколько я их знаю, не трусливы, от опасности не бегают. И не только потому, что не могут. Вот тут я могу хоть на что поспорить.

Так вот, паше дерево зашумело и, как мне показалось, запело на разные голоса. По стволу пробежала хроматическая гамма — от самых низких нот до самых высоких — и оборвалось яростным визгом. Ствол затрещал и начал раскрываться, как саркофаг, поставленный вертикально. Медленно разошлась кора, обнажилась полая сердцевина, и перед нами предстала высокая темная фигура.

Если судить по внешнему облику, это был человек, уже немолодой, очень крепкий, облаченный в темно-синий балахон, перетянутый четырьмя поясами, последний из которых, серебряный, сползал на бедра. Впрочем, какой из него человек? Разве человеку придет в голову спать стоя, да еще внутри дерева? Он стоял неподвижно, скрестив руки на рукояти большого меча, и глаза его были закрыты.

— Так вот чего нам не хватало, — пробормотал Конан.

Существо раскрыло глаза и тут же снова опустило веки. Но я почувствовал, что теперь оно наблюдает за нами, внимательно, с недобрым интересом.

Ветер снова зашумел в высоте. Существо вздохнуло и сделало шаг вперед. Потом еще один.

Бесцветный голос произнес:

— Ты Конан из Киммерии явился сюда незваным и творишь беззакония. Ты умрешь.

Существо протянуло руку и, не глядя, указало на моего Конана. Я похолодел. Кем бы оно ни было — чародеем, духом дерева, оборотнем — человеку против него не выстоять. Я даже присел от волнения и крикнул:

— Беги! Конан сказал:

— Все в порядке.

Он даже не посмотрел на меня. Холодными синими глазами он разглядывал вылезшее из дерева чудище, которое было, с моей точки зрения, тем более жутким, что, за исключением некоторых неуловимых черт, очень напоминало человека.

«Убьет... Оно убьет его!» — в панике подумала Эрриэз.

«Без тебя тошно», — мысленно огрызнулся я.

Чародей поднял меч, и я услышал визг. Я обернулся. Эрриэз стояла, крепко сжав зубы, но голос был ее. Никогда раньше не слышал, чтобы визжали про себя. «Хорошо, что Конан не умеет читать мыслей», — подумал я, уже в который раз.

Киммериец обнажил меч. Сталь радостно вылетела из ножен, и над холмом зазвенела высокая певучая пота. Так звучал бы голос молодой девушки, если бы ей вздумалось запеть боевую песню какого-нибудь дикого племени, в которой и слов-то нет, один только яростный клич.

Песня утонула в лязге металла. Я бросился к Эрриэз, потому что вдруг понял, что стою слишком близко к сражающимся, и для меня это может плохо закончиться. Позаботившись, таким образом, о себе, я стал переживать за Конана.

Синий чародей был выше его на целую голову, и меч его был длиннее, чем у моего друга. Конана такие мелочи не смущали. Но негодяй, который отсиживался в дубе, мог пустить в ход магию, а это было гораздо хуже.

— Эрриэз, — сказал я, — ты можешь что-нибудь сделать?

Ее нечесаные желтые перья взметнулись из-под чепчика, так резко она мотнула головой.

— Очень сильный защитный наговор. Не пробиться. Он заговорен от мужчины, женщины или ребенка, от всякой нечисти, от белой и черной руки...

Девушка вглядывалась в высокую фигуру с мечом, которая наступала, все время наступала, методически и хладнокровно пытаясь убить Конана. Больше это чудище, похоже, ничем в жизни не интересовалось.

Эрриэз, слегка щуря глаза, перечисляла наложенные на него заклятия, считывая их с чародея, как с листа бумаги.

— ... От живых и от мертвых, от порождений болот, рек и озер, и водных ключей из-под земли; от детей леса, луга и поля и человеческого жилья; от дикого отродья безводной пустыни...

Мы переглянулись. Эрриэз покраснела, как будто ляпнула что-то неприличное. Вечно меня называют «отродьем». Слов других нет, что ли? И все-таки приятное чувство шевельнулось во мне: я, стало быть,

представляю опасность, если даже на Боссонских топях меня не забыли включить в заговор.

— Чему ты радуешься? — укоризненно сказала Эрриэз. — Тщеславный ты, Кода. Теперь и ты не сможешь помочь...

— Сила не только в магии, — проворчал я. — Магия — это как лук со стрелами. Лишь бы в руки попала, а там уж любой дурак сумеет выстрелить.

— А что у тебя есть, кроме магии? Без нее ты ничто. Так, зверек, не лучше тушканчика.

За «тушканчика» она еще схлопочет — в другом месте и в другое время. Пока же я ограничился тем, что посмотрел прямо в ее бесстыдные глаза и небрежно заметил:

— Кроме магии, дитя мое, существует еще ум. Она уже собиралась сказать, что ум, может быть, где-то и существует, только не в моей лопоухой башке, но вместо этого вдруг вскрикнула:

— Он же ранен!

Медлить больше было нельзя. Я сказал:

— Ты слышала пение перед началом боя? Она кивнула.

— Кто это пел?

— Меч Конана, Атвейг — таково ее имя. Это не мужчина, не женщина, не ребенок... Она не живая, но и не мертвая...

Как бы подтверждая мои слова, Конан неожиданно нанес чародею сильный удар и задел его, потому что раздался злобный крик.

— Думай о его мече, — торопливо сказал я. — Вложи свои силы в него. Попробуй, Эрриэз. Зови Атвейг, она должна откликнуться.

Она прикусила губу. Я видел, как девушка пытается слить свои силенки с полоской стали, мелькавшей в руках человека. Я так и не понял, удалось ей это, или же Конану не потребовалась посторонняя помощь, но чародей упал, заливаясь кровью, густой, бурого цвета.

Мы с Эрриэз подбежали к нему. Конан стоял над колдуном, расставив ноги, опустив меч к горлу побежденного. Волосы его слиплись от пота, а тонущие в тени глаза были неподвижны.

Чародей дышал с трудом и все время косил глаза на меч, приставленный к его горлу. Физиономия у него была гнусная словно на уродливую рожу натянули чулок.

— Убери меч, — приказал он своему победителю гулким голосом, и я услышал отзвуки той самой хроматической гаммы, пробежавшей по дереву, когда оно отворялось.

Конан словно не расслышал.

— Убери меч! — взвизгнул колдун.

— Я не собираюсь убивать тебя, — спокойно отозвался Конан, однако не шевельнулся.

— Это оружие может выйти из-под твоей власти, — сказал колдун. Он просто посинел от страха, и в глубине души я его понимал.

— Может быть, и мой меч и не захочет тебя убивать, — сказал Конан. — Ты знаешь, о чем я хочу спросить тебя?

Колдун немного помолчал. Глаза его опять съехались к переносице. Атвейг шевельнулась в руке Конана. Тогда колдун поспешно произнес:

— Спрашивай.

— Кто были те люди, что напали на нас у реки?

— А, это... — Мне показалось, что колдун вздохнул с облегчением. — Это местные жители. Те, что приспособились к новым условиям.

— Новые условия — твоих рук дело?

— Отчасти.

— Кто вы такие?

— Мы разные, — уклончиво сказал колдун.

— Вас много?

— Нет. Честное слово, нет.

— Что вам нужно?

— Сущий пустяк. Мы следим за тем, чтобы все оставалось, как есть.

Конан сделал вид, что теряет терпение. На самом деле — это я хорошо знал — он мог задавать вопросы часами, вытягивая нужные ему сведения по капле.

— Что такое Чудовище?

Колдун немного помолчал, потом пробормотал с тяжелым вздохом:

— Некто, посягнувший на артефакт, который содержит в себе жизненные силы Боссонских топей...

По глупости и небрежности люди утратили священные руны, выбитые на клинке, который здесь именовали «Мечом Викланда». (Конан даже не поинтересовался, кто такой Викланд! Будь здесь Гэлант Странник, разговоров о Викланде и его мече хватило бы до самой ночи, но увы! Киммерийца занимают лишь те подробности, которые имеют непосредственное отношение к делу).

Спасти Боссонские топи от окончательного вырождения можно лишь одним способом: вернув волшебный меч. Чудовище Южных Окраин, Гигантский змей, похитило вышеупомянутый клинок, обвилось вокруг него кольцами и неусыпно стережет. Никто в точности не знает, когда и по чьей вине это произошло. Хранители меча жили в лесном доме, где

имелось небольшое святилище. Их нашли мертвыми среди пепелища. Охотник один нашел.

Конан спрашивал и спрашивал. Колдуй отвечал кратко и неохотно, но удалось выяснить, например, такие существенные подробности: Меч Викланда является магической картой этой земли. На нем обозначены реки, деревни, леса и болота. Тело чудовища ядовито. Оно медленно душит страну, отравляет ее.

— Откуда оно взялось? — спросил Конан. — Кому служит?

— Оно жило здесь всегда, — злорадно сообщил колдун. — Люди были злы и жестоки друг к другу, и оно сумело вылезти на поверхность.

Вы сами выпустили его на свободу. Оно не служит никому. Зло самоценно и самодостаточно, оно развивается там, где люди готовы принимать его правила.

— Зачем местные жители напали на нас у реки?

— Они не ведали, что творят. Это я хочу помешать тебе идти твоей дорогой, потому что рано или поздно ты доберешься до Змея. Ты настойчивый.

Конан немного подумал.

— Почему же никто прежде не пытался убить его?

В нечеловеческом голосе, отвечавшем Конану, зазвучало торжество:

— Змей слишком велик для здешних людей. Они выродились прежде, чем успели это понять.

— А нечисть?

— Нечисть труслива, — злобно сказал колдун. — Убери же свой меч, Конан.

Конан отвел острие в сторону и поморщился, глядя на колдуна.

— Ладно, — сказал он. — Постарайся сделать так, чтобы мы с тобой больше не встречались.

Негодяй, валявшийся на окровавленной траве у ног моего друга, совершенно расслабился, когда до него дошло, что тот, по своей всегдашней глупости, решил оставить его в живых. Колдун перестал следить за собой, и я без труда прочел его мысли. Не такой уж это был могучий чародей, если задумал убить человека ударом в спину.

Я встретился глазами с Эрриэз и понял, что она тоже это слышала.

— Конан! — позвала она, тронув его за руку. Он посмотрел на нее словно издалека.

— Что тебе, Эрриэз?

Она указала растопыренными пальцаами на колдуна, который беззвучно шевелил губами.

— Убей его!

Ровным голосом Конан ответил:

— Я не могу убить безоружного.

Я отчетливо различал заклинание на смерть и неудачу, которое бормотал побежденный маг.

— Это он-то безоружный? — возмутилась Эрриэз.

— Да, — сказал Конан.

Для него все, у кого в руках нет меча или, на худой конец, топора, абсолютно беззащитны. И тогда Эрриэз поняла, что нужно делать. Она скакала кулаки; ее бледное личико, усталое и, боюсь, не слишком тщательно умытое, вспыхнуло; светлые глаза, не привыкшие видеть солнце каждый день, вдруг загорелись. Выдох пламени понесся от нее, и дерево ответило шелестом, чародей — стоном, а Конан — взглядом ей навстречу. Но Эрриэз смотрела не на них. Она выкрикнула срывающимся голосом:

— Атвейг!

Меч в руке Конана пронзительно запел, и голос Эрриэз слился с голосом оружия. Впервые в жизни Атвейг вышла из-под власти своего владельца — может быть, потому, что отвечала любовью на его любовь и тоже знала о мыслях чародея...

Конан посмотрел на убитого. Рот колдуна раскрылся, глаза побелели, словно радужная оболочка растворилась. Конан молча выдернул меч из его горла, вытер клинок о траву и тяжело опустился на землю.

Я осторожно подсел к нему.

— Он ранил тебя, Конан?

Конан отмолчался. Он даже не взглянул в мою сторону. Мне почему-то показалось, что он сейчас никого не хочет видеть.

Глава восьмая

Коварный Гrimnir

С тех пор, как мы разделились с колдуном, препятствия нам больше не встречались. Мы шли уже целый день, и никто не нападал на нас ни сверху, ни сбоку, ни снизу. Однако бдительности терять не следовало, и потому мы постоянно озирались по сторонам и прислушивались. Не то враги наши стали осторожнее, не то они струсили, поняв, что ни с какого боку нас не возьмешь, только никто не показывался. А может, они вообще иссякли.

Так я размышлял, пока мы шли по хорошей лесной дороге.

Но не успел я подумать о том, что эти кровавые псы, учуяv наш запах, поджали свои облезлые хвосты, как увидел свисающие с небес ноги. Собственно, свисали они, если приглядеться, не с небес, а с ветки, протянувшейся над дорогой. Две ноги в сапогах чудовищного размера. Они лениво покачивались. Потом на дереве кто-то завозился.

Мы сбились в кучу и задрали головы. Кто-то тяжелый лег животом на ветку и высунул к нам свою башку, открывая для обзора черную повязку через один глаз, усы и прочие достопримечательности физиономии Гrimнира.

— Привет, — басом проговорил он. — Добрались-таки. Боевые вы ребята, как я погляжу.

— Гrimnir, — удивленно сказал Конан. Я увидел, как мгновенно пропала вся его настороженность. Доверчивый он все-таки. — Как ты сюда попал?

С дерева донесся радостный гогот. Затем этот громила, страшно довольный собой и своими поступками, заявил:

— Тут имеется кружная дорога, по которой никто не ходит... Кроме меня.

Я просто вышел из себя, когда услыхал такое.

— И ты не мог нас предупредить? А если бы мы погибли?

— Я оплакал бы вас, — сообщило это чудо искренности. — Конан хороший воин. Я сожалел бы о его гибели.

Я даже подпрыгнул.

— Трус! — выкрикнул я. — Отсиживался за нашими спинами! Не мог даже помочь нам, когда мы тут сражались с полчищами! Проклятые злодеи

лезли со всех сторон!.. А ты!..

Подскакивая внизу и всеми силами души желая вцепиться в плохо выбритое горло Гrimнира, я выкликал самые черные проклятия. Я желал его верблюду переломать себе ноги, а ему самому сдохнуть от жажды возле ничейного колодца. Он свешивался с ветки и оглушительно хохотал.

И вдруг, выкатив свой единственный глаз, который вполне мог бы принадлежать какому-нибудь пьянице, светлый, с красными прожилками — Гrimнир рявкнул:

— Не мог! Не мог я вам помочь!

От неожиданности я даже присел с полуоткрытым ртом. А потом завопил прямо в его усатую морду:

— Почему? Объясни тогда! Почему? Гrimнир тоже заорал, сверкая крупными желтыми зубами:

— Потому! Тот, кто взялся за это дело, должен решить все для себя сам!

— За это дело еще никто не взялся! — крикнул я.

— Не уверен! — вопил Гrimнир. — Не уверен! А убить Чудовище может только человек! И никто иной! Понял ты, недоумок лупоглазый?

Взбешенный до полуобморочного состояния, я заорал:

— А имя данного героя должно начинаться на букву «К»! Иначе ничего не поможет! Да? И он непременно должен быть киммерийцем — и никак иначе! Да?

— Так ты киммериец? — удивленно проговорил Гrimнир, обращаясь к Конану. — А сам ни словом не обмолвился.

Конан смотрел на него без улыбки и молчал,

— Кстати, он не просто киммериец — он в душе очень мирный человек и ненавидит всякую войну, — сообщил я.

Гrimнир фыркнул. Я видел, что он мне не поверил.

— В любом случае, — заявил он, — твой друг — просто находка, маленький, преданный Кода. Ведь все местные жители трусливы, как распоследние цверги. От одного только слова «змей» они лезут под стол и заворачиваются в скатерть.

Гrimнир спрыгнул на землю. Мне показалось, что несчастное дерево вздохнуло с облегчением. Великан обтер о штаны испачканные в смоле руки и радостно ухмыльнулся.

— Я рад тебя видеть, Гrimнир, — сказал, наконец, Конан. — Прости за неуместный вопрос: ты сам разве не человек?

— Нет, разумеется, — беспечно откликнулся Гrimнир. — Ты разве еще не догадался?

— Я не занимаюсь разгадыванием чужих тайн, — сказал Конан. — Когда я слышу: «Это Гrimнир, странствующий воин», я, как правило, верю на слово.

Гrimнир ничуть не смущился.

— Я действительно странствующий воин. Но этим моя личность далеко не исчерпывается... Ну что, пошли?

Он затопал по лесной дороге, возглавив наш небольшой отряд. Мне совсем не хотелось идти за этим вероломным типом, по Конан принял его приглашение, не задумываясь, а бросать друга в трудную минуту, когда одной его храбрости мало и явно требуется еще немного ума — нет, такое не входит в мои привычки.

Я видел, что могучая магия, которой, несомненно, обладал этот Гrimнир, в данном случае ни при чем. Конан пошел за ним добровольно. По крайней мере, в этом Гrimнир вел себя честно. В случае чего напущу на него холеру, подумал я. Дождусь, чтобы он расслабился и перестал контролировать влияния извне, и напущу. Будет знать, как проявлять вероломство.

Гrimнир вывел нас к вырубке, посреди которой стояло нечто вроде избушки. Вырубка успела зарасти сорными кустами и прочей жизнерадостной дрянью, вроде сочной травы в человеческий рост. Все эти поросли скрывали под собою пни и вывороченные корни, так что пройти по поляне и не переломать себе ноги могло считаться своего рода искусством.

Домик состоял из хлипких стен и крыши, которая протекала — это было заметно даже в сухую, ясную погоду. Имелась там огромная печь, зато труба отсутствовала, и поэтому бревна внутри этого чрезвычайно уютного жилища были покрыты копотью. Черные жирные пятна покрывали также солому, заменявшую постель. Крохотное окошко залеплялось в случае непогоды маленьким ставнем.

— Прошу, — сказал Гrimнир, толкнув низенькую дверь.

Он стоял возле избы с таким видом, будто предлагал нам посетить один из дворцов Шадизара.

Конан нырнул в дом. Проходя вслед за ним мимо Гrimнира, я не удержался — посмотрел на него с подчеркнутым удивлением и покачал головой. Великан, разумеется, не обратил на это внимания.

В комнате водилось огромное количество комарья. Оно гнездилось в кустах неподалеку от дома. Представляю себе, как эти твари обрадовались нашему появлению. Ненавижу кровососущих. Во-первых, они забиваются в шерсть. А во-вторых, уши от укусов очень чешутся и распухают, что отнюдь

не служит мне украшением.

Эрриэз уже разлеглась на соломе. Рожица у нее стала блаженная, словно она попала домой к папе с мамой.

Я подтолкнул ее в бок.

— Чему ты радуешься?

Гrimнир здесь, — сказала она задумчиво. — Теперь все будет в порядке.

Как же, все будет в порядке. Не доверяю я существам, чей рост превосходит мой втрое. В два, ну — в два с половиной раза — еще куда ни шло, но выше — сигнал тревоги. Гrimнир наверняка так устроит, что Конана под конец авантюры ждет верная гибель, а плоды его победы загребет сам великан. Знаю я таких. Интересно, что Эрриэз в нем нашла? Возможно, Гrimнир вообще — тролль.

— Кто он такой? — спросил я. — Он тебе родня? Она подавилась смешком, но промолчала. Надо же, какая таинственность.

— Ты хоть давно его знаешь?

— Давно, — нехотя сказала она. — Всю жизнь. Он могущественный. Отвяжись, Кода.

Я понял, что больше из нее ничего не вытяну, развалился на грязной соломе и стал гонять комаров.

Конан принес дров. Они с Гrimниром завозились возле печки, переговариваясь на сугубо мирные темы. Я дремал, кусаемый комарами, под сладкую музыку домашних хлопот.

— В печке какой-то мусор, — сказал Конан. — Надо бы ее вычистить. А то будет здорово дымить.

— Не лезь голыми руками, — буркнул Гrimнир, — здесь должна быть кочерга.

Они долго гремели поленьями, а потом Конан вытащил кочергу и тут же уронил ее Гrimниру на ногу. Великан взвыл и сделал попытку убить моего друга, но врезался своим могучим кулаком в печь, едва не разворотил ее, после чего заметно успокоился.

— Киммериец косорукий, — проворчал он. — Я бы тебе с удовольствием отрезал и руки, и ноги, и голову заодно, чтоб не мучился. Все вы годитесь только грабить мирных жителей.

— Вот это точно, — сказал Конан, хмыкнув. Гrimнир дунул в печку, подняв тучу пыли, копоти и мусора, порылся в куче золы и извлек несколько обгоревших пряжек. По поводу этой находки можно было строить самые различие предположения, но Конан не стал этим заниматься. Он поджег хворост, и из печки повалил едкий белый дым. Всю

комнату заволокло. Потом огонь пришел в себя, расправился, и дым уполз в открытую дверь, расстилаясь по траве у порога. Комары, понятное дело, мгновенно исчезли.

— Все предусмотрено, — сказал по этому поводу Гrimнир и гулко закашлялся.

Глава девятая

Чудовище

Накануне я нашел в закопченном доме целый бочонок меда и объелся. Наутро у меня начался жар. Лежа в углу, я слушал, как Гrimнир переругивается с Конаном, и каждое их слово болезненно резало мне слух. «Наверное, я смертельно заболел, — подумал я в ужасе, — а как же чудовище? Я ведь не допущу, чтобы мой человек отправился на подвиг без меня. В конце концов, я ведь, тоже что-нибудь значу, верно?»

Все происходило именно так, как я и предполагал. Конан хотел, чтобы я остался дома с Гrimниром и Эрриэз и никуда не ходил, а лежал бы на соломе и всячески берег себя. Но я протестовал, кричал о людской неблагодарности, мотал ушами, визжал, разбрызгивая слезы, и колотил его кулаками по груди.

В конце концов, это возымело действие. Конан взял меня за руки, сильно стиснул их и велел заткнуться. Когда у него делается такое лицо, то его лучше послушаться. Я сразу замолчал, и только слезы продолжали бежать из моих глаз. Конан выдержал паузу, потом отпустил мои руки и повернулся ко мне спиной. Я благодарно щмыгнул и поклялся про себя, что буду молчать всю дорогу и вообще стану очень сдержанным.

Гrimнир подошел к нам.

— Конан, — начал он, — послушай.

Конан поднял голову и взглянул на него. Гrimнир был выше его едва ли не на голову и намного шире в плечах: человекообразное создания размером приблизительно с небольшой дом.

— Эта гадина слепая, — сказал Гrimнир, и мы поняли, что он говорит о змее. — Ни в коем случае нельзя прикасаться к нему руками. Он прозреет, как только человек дотронется до него. А если он прозреет, это, считай, верная гибель. И еще учти — он ядовитый, просто сочится ядом.

Я видел, как синие глаза Конана потеплели — он был благодарен Гrimниру. А великан хмурился, как будто сам на себя сердился.

— Я отдаю нашу землю в твои руки, — продолжал Гrimнир. — Здесь будет так, как решишь ты. Запомни это. Будет так, как ты захочешь. Иди.

И мы отправились убивать Чудовище.

Я видел все сквозь жар, голова у меня гудела, земля вокруг качалась, и

плавающие деревья никак не могли принять четкие очертания. Я пришел к выводу, что смерть близка, и стал равнодушен к своей судьбе.

Конан скользил между стволами, как тень. Я тихонько шагал следом. День был туманный, мгла скрадывала все звуки.

Конан остановился и поманил меня к себе поближе. Не раздумывая, я послушно подбежал к нему, хотя такая скорость передвижения далась мне нелегко. Я встал рядом с ним и покосился на него снизу вверх, ожидая, что он похвалит меня за такое примерное поведение. Но он смотрел куда-то вперед.

Впереди, среди ярко-зеленых мхов, лежало оно. Чудовище Боссонских топей. Я сразу узнал его. Не догадаться было невозможно.

Болотце, которое оно облюбовало, было небольшим, но если у несчастья может быть центр, то выглядеть он должен именно так. Среди голых деревьев с пожухшими листьями, среди клочьев гнилого тумана, ядовитым пятном светился неправдоподобно зеленых мох. Прямо из мха росли яркие, огромные цветы, и в них чудилось что-то зловещее.

А посреди болотца дрыхло Чудовище, такое же мясистое, как эта растительность. Огромный желто-черный змей с жирным, лоснящимся брюхом. Мы смотрели, как это брюхо трепещет, раздуваясь и опадая, как перекатывается что-то под кожей. Из-под крупных чешуи струился бесцветный яд, который придавал всему телу гада маслянистый оттенок.

Он почивал на мече. Мы осторожно обошли болотце кругом, разглядывая поле предстоящей битвы.

Меч Викланда меньше всего был похож на настоящее боевое оружие. Огромный — никому, даже Гrimниру, что бы он там из себя ни строил — не удержать его. Это был широкий двуручный меч с одним только лезвием и тупым концом, как будто сталь престо обрубили ножом. Судя по форме, Меч Викланда был мечом палача.

— Хорошо, что оно слепое, — шепнул я. — Оттяпать ему башку — и бежать. А, Конан?

Теперь он стоял прямо перед головой сонного змея. Тупая морда, слепые спящие глазки, сухие губы, наползающие на клыки. Конан присел на корточки и заглянул змею прямо в морду. Меня охватило тревожное предчувствие. Сейчас этот упрямец сделает нечто ужасное.

— Ты знаешь, Кода, — сказал он задумчиво, — ведь если ему прямо здесь отрубить голову, то кровь, пожалуй, хлынет прямо па меч...

— Это тебя Гrimнир надоумил?

— Нет, при чем здесь Гrimнир... Ты знаешь, Кода, — повторил он, —

ведь если эта дрянь затопит своей кровью меч, то, пожалуй, от Боссонских топей вообще ничего не останется...

— Ну и что ты предлагаешь?

— Его нужно отсюда сманить.

Теперь мне все было ясно. Вот почему убить Чудовище мог только человек. Никому, кроме человека, не пришло бы в голову думать не только о своей победе, но и о ее последствиях.

— Конан! — в ужасе просипел я. — Во имя Сета Кровожадного, что ты задумал, несчастный?

Но он больше не обращал на меня внимания. Он разглядывал змея, сидя перед ним на корточках. Не понимаю, как его не стошило. Словно в тумане я видел на фоне ядовитых цветов его крепкую фигуру, загорелое лицо, его черные растрепанные волосы.

Змей что-то почуял. Он поднял слегкую голову и беспокойно начал водить ею, то вправо, то влево. От ужаса я сел прямо в лужу.

— Ах ты, симпатяга, — сказал змею Конан. И, протянув руку, погладил его по раздувающимся ноздрям.

Белесые глазки медленно раскрылись, и я понял, что теперь оно видит. По жирному телу пробежала дрожь. Конан встал, держа в руке свой меч. Змей ударил по болоту, разбрызгивая воду. Над лесом поплыло зловоние.

Огромное тело с удивительной быстротой заскользило вперед, сползая с Меча Викланда. Конан помчался прочь, уводя чудище подальше. Человек ловко петлял между деревьев, а змей проворно следовал за ним. Там, где монстр проползал, оставалась выжженная полоса. Скоро я потерял их из виду.

В голове у меня стучало. Проклятье, почему я так люблю сладкое? Коварный Гrimнир накормил меня медом, и теперь я ничем не смогу помочь своему другу, погибающему в ядовитых кольцах змеиного тела.

Лес вокруг меня молчал. Я вцепился в ствол — почерневший, как будто его долго лизали драконы, и с трудом поднялся на ноги. Нужно найти вырубку, вернуться в дом и позвать па помошь. Пусть этот Гrimнир не имеет права вмешиваться в судьбу Боссонских топей, которые вымирают у него на глазах, но помочь хорошему человеку никакие религиозные правила еще не запрещали.

Ковыляя от ствола к стволу, я двинулся в сторону дома. В лесу я совершенно не умею ориентироваться, поэтому я шел на голос Эриэз, которая где-то неподалеку думала о какой-то ерунде.

Сделав еще несколько шагов, я совершенно неожиданно очутился в объятиях Гrimнира.

— Ты что, ранен, Кода? — пробасил он, хватая меня своими ручищами. — Чего это тебя так мотает?

— Это все мед, — ответил я. — У меня жар... Гrimnir, если ты не можешь сам убить змея — обойдемся... Трусость — черта любой нечистой силы, мы с этим рождаемся, я понимаю... Но если Конан уже умер... У тебя есть знакомые среди богов? Давай предложим им какую-нибудь взятку.

Гrimnir вдруг содрогнулся и как-то странно хрюкнул.

— Спаси моего Конана, и милости Сета пребудут с тобою... — заключил я, уже угасая.

— Очень нужны мне милости твоего вонючего Сета, — фыркнул Гrimnir. — Куда он побежал?

Я уже слабо понимал, о чем он говорит.

— Кто?

— Твой Конан, вот кто! — зарычал Гrimnir, шевеля усами.

— Там след... выжженный. Легко найти. Гrimnir оттолкнул меня и бросился бежать.

Я сел на землю и посмотрел ему в спину. Но он уже исчез, я даже не успел понять, как. Сколько я ни вертел головой, вокруг не было ничего, кроме черных голых стволов и клочьев тумана, шевелившихся на сырой земле. Поганое здесь место, И оно так не похоже на мою родную пустыню.

Если бы не болезнь, я не впал бы в отчаяние. Как истинное дитя песков, я верю в предопределение. Я никогда не позволял себе бунтовать против судьбы, даже когда люди черных шатров гнали меня, как дикого зверя, когда они вязали и морили меня голодом, я все равно встречал свою участь с высоко поднятой головой. Но тут проклятая хворoba просто подкосила меня под корень, и я, уже не скрывая страха, закричал противным визгливым голосом, расплываясь от слез и призывая на помощь. — Ты чего надрываешься? — спросила Эрриэз.

Интересно, откуда она взялась, подумал я смутно. Такая она была знакомая, ясная, домашняя в своей полосатой юбке и холщовой рубашке с закатанными рукавами. Прямо-таки родная, несмотря на все ее недостатки. Я всхлипнул и с постыдным воем бросился к пей.

— Эрриэз, — прорыдал я, — все кончено, все погибли.

Она присела передо мной на корточки.

— Не может этого быть, Кода, — сказала она ласково, словно перед ней было несмышленое дитя, а не грозный дух разрушения и зла. — Туда же пошел Гrimnir...

Бедный Гrimnir, подумал я в глубокой тоске, понадеялся на свой

рост, глупый великанишка... И все потому, что он не видел змея. Тут и десяти Гrimниров не хватит.

— И Гrimнир погиб тоже, — уныло сказал я.

— Гrimнир жив-здоров, — заявила она с уверенностью, которая меня удивила.

Ну да, чему тут удивляться, она просто не знает, с каким монстром мы тут связались.

Она встала и помогла подняться мне, заметив попутно, что я, оказывается, заболел и весь горю. Спасибо, Эриэз, а то я не знал. Мы побрали назад. Эриэз шла впереди и тащила меня за собой. Я уже ничего не соображал. Я даже не мог сказать, долго мы шли или не очень. По мне так, прошла целая вечность.

В доме на вырубке что-то неуловимо изменилось. Глядя на него от края леса, я пытался сообразить, что же меня так насторожило. Ведь не выросли же у него за время нашего отсутствия куриные ноги. Внешне он остался, вроде бы, таким же. Все так же чернели стены и производила все такое же прискорбное впечатление крыша.

И неожиданно я осознал: из-за бревенчатых степ непрерывным потоком сочились чьи-то мысли. Кто-то был там, в доме, и я не мог понять, кто именно и сколько их. Мысли были одинаковые. Полотно для перевязки. Горячая вода. Противоядия. Чистое белье. Что для холода — болотный мох или свежие листья? Если бы они не наплывали одна на другую, можно было бы подумать, что там только одно существо. Я посмотрел на Эриэз и с удивлением заметил, что и ее голосок подключился к этому неспешному потоку размышлений. Там были женщины. Ведь только женщины, даже если это и ведьмы, живут в таком простом, добротном и вечном мире вещей. Ни мне, ни Конану даже в голову бы не пришло делать то, чем они сейчас занимались. А для них это было чем-то таким же естественным, как дыхание.

В доме действительно за время нашего отсутствия произошло много перемен.

Гнилая солома, мусор из печки, грязные лоскуты и та необъяснимая дрянь, которая сверхъестественным образом появляется в заброшенных домах, — все это исчезло. Выскобленные до белизны нары были накрыты чистым полотном. Дом был протоплен, но дымом почему-то не пахло. И бесшумно сновали по единственной комнатке женщины. Я так и не понял, сколько их было — пять, семь. Они работали быстро, слаженно, ловко, ничуть не мешая друг другу в тесноте, и все у них получалось легко и красиво. Их белые руки летали над полотном, над ведрами с водой, над

какими-то чистыми вещами из глины и бересты.

От них пахло свежестью. Они были разного возраста — и совсем старые, и средних лет, и даже одна девочка была моложе Эрриэз — но все они были одного роста, в похожих полосатых юбках и полотняных блузах с вышивкой, с одинаковыми волосами цвета соломы, заплетенными в косы и уложенными венцом. И глаза тоже у них были похожие, светлые, покорные, видевшие много земли. И голоса звучали так, словно это был один и тот же голос.

Я забился в угол, поближе к печке. Наша Эрриэз, несомненно, была им сестрой или дочерью. Но она, оборванная, загорелая, с пятнами сажи на коленях и блузе, казалась рядом с ними нелепым недоразумением. Она была как подменыш в этой красивой семье.

И теперь Эрриэз стояла посреди комнаты, опустив в растерянности свои исцарапанные руки, а женщины сновали мимо и ни разу не задели ее. Потом она беспомощно оглянулась и, заметив меня, присела рядом, обхватила колени и уткнулась в них лицом.

Я не стал ее ни о чем спрашивать. Рядом с этими женщинами я и самказался себе чумазым недотепой.

— Они пришли, — неожиданно сказала Эрриэз, всхлипнув.

Я покосился на нее. Она исподлобья подсматривала за женщинами, вздрагивая от волнения.

— Кто они такие, Эрриэз?

— Моя семья. — Она повернулась ко мне и зашептала: — Я так счастлива, Кода. Я так давно не видела их. Видишь ли... — Она густо покраснела и с трудом вымолвила: — Я неряха. И всегда была такой, с рождения. Сперва я вытираю полотенцем чашку, потом протираю им же стол, потом — лужу на полу, а под конец в него же сморкаюсь... Забываю, что ли... — Она слабо улыбнулась. Она не плакала, но губы у нее почему-то распухли и нос покраснел. — Они велели мне уходить и жить среди людей, не позорить семью... И я стала такой, как люди.

— А люди, — подхватил я, — такие же, как эта земля.

Эрриэз подозрительно прищурилась.

— Ты сам дошел до подобных мыслей, Кода?

— Нет, — признался я. — Это Гrimnir так говорит.

Гrimnir, Гrimnir... Никогда ни с кем нельзя ссориться. Потому что никогда не знаешь, кто следующий станет покойником, и вот уже тебя терзает совесть за то, что ругал беднягу скотиной и по-всякому, а он лежит теперь под дождем в тумане бездыханный и ничего не может тебе ответить...

У входа послышалась возня, сопение и басовитое ворчание. Одна из женщин стремительно распахнула дверь. Вторая незаметно оказалась рядом, готовая помочь.

Пригнувшись, в дом вошел Гrimнир. Он быстро огляделся по сторонам, и усы его встопорщились. Я увидел, что он держит па руках человека, завернутого в плащ, и вскочил.

— Сядь, — бесцветным голосом приказала Эрриэз, — они сделают все, что нужно.

— Это же Конан, — сказал я. — Слушай, Эрриэз, он ведь умер.

— Может быть, и умер, — сказала она. — Разве это так уж важно?

Я покосился на эту ненормальную и немного отодвинулся от нее — на всякий случай.

— Для кикиморы это, может быть, и неважно, — сказал я наконец. — Но люди, Эрриэз, умирают навсегда.

Они развернули плащ и уложили моего друга на чистое полотно. Сквозь грязные лохмотья, в которые превратилась его одежда, я увидел пузыри ожогов, покрывшие все его тело. На левом плече кожа была содрана, а через грудь тянулись четыре глубоких пореза, посыпевших и распухших — от яда, надо полагать.

Лицо у него заострилось, глаза провалились. Не изменились только густые жесткие волосы.

Потом его заслонили от меня женщины. Они хлопотали, что-то передавали друг другу, негромко переговаривались. Звонко рвалось полотно, и ни одной нитки не упало. Аккуратно плеснула в чистой глиняной плошке вода.

Я не смотрел и старался не слушать. Для меня не существовало больше ни самообладания, ни гордости, ни фатализма. В один миг я растерял все свои добродетели. И пусть я дух пустыни, пусть я сеатель раздора, болезней и всяческого горя. Пусть я раскидывал по пустыне руины древних городов, наводя ужас на бесстрашных аскетов. Сам пророк Фари закрылся в своей гробнице, когда я с хохотом пролетел мимо на крыльях песчаной бури... Но теперь я уткнулся носом в угол жалкой хибары, сидя возле ободранной печки, и молча, безутешно рыдал.

Глава десятая

Гном и великан

Я услышал под стеной дома странный свист и приоткрыл один глаз. Женщин, совершивших возле моего погибшего друга свой таинственный обряд, нигде не было видно. Исчез и Гrimнир, что меня немного порадовало (насколько я вообще мог радоваться в подобной ситуации). Я открыл второй глаз и окончательно проснулся.

Все тело у меня ныло, потому что накануне вечером, обессиленный слезами и горячкой, я уснул прямо в углу возле печки, не заметив, что Код бок мне закатилось полено. И теперь было такое впечатление, будто меня этим поленом крепко поколотили. Жара у меня уже не было. Я хоть и был довольно слаб, но не горел и вообще подавал надежды на скорое выздоровление.

Свист повторился. Я сел. Было уже утро, о чем я судил по лучу света, падавшему на пол из маленького окошка. В луче отчетливо просматривались летние Пыльники — крошечные зловредные человечки, покрытые сереньким пушком. И живут-то всего два-три дня, но за это время успевают здорово напакостить. Я попробовал заговорить с ними, но они шарахнулись от меня и ринулись по лучу обратно в окошко.

Я поднялся и заковылял туда, где на полу лежал Конан, завернутый в чистое полотно. Надо же, как его запаковали для похорон. Понимают в этом толк, ведьмы. Мы с ним, кстати, всегда были готовы к подобной неприятности (я имею в виду скоропостижную гибель) и на всякий случай заранее обсудили, кого и как надлежит хоронить. Так, еще год назад мне было поручено закопать безжизненное тело моего друга (буде таковое объявится) вместе с его верным мечом. Теперь я вспомнил тот давний разговор и мысленно дал себе слово проследить за тем, чтобы Гrimнир не наложил свою волосатую лапу на чудесный клинок.

Тело шевельнулось. Я не сразу обратил на это внимание, поскольку был погружен в горестные думы. Однако тело недовольно задергалось, и с этим я был вынужден считаться. Конан приоткрыл глаза.

— Кода... — позвал он меня.

Слезы немедленно потекли у меня по щекам.

— Все в порядке, — сказал я. — Я здесь. Враги уничтожены.

У него дернулся рот.

— Лежи тихо, — сказал я. — Только вот что. Как ты считаешь, кто-нибудь должен знать, что ты живой? Хочешь, я тайно унесу тебя в лес?

Вообще-то я даже поднять его не смог бы, но в тот момент я от радости как-то забыл об этом.

Под стенкой опять свистнули. Я поднял палец и сказал вполголоса:

— Пойду на разведку. Не нравится мне этот свист. А ты лежи, прикидывайся мертвым. У тебя великолепно получается.

Я на цыпочках двинулся к выходу. Проклятая дверь так заскрипела, что все мои предосторожности тут же полетели к черту. Я выругался, помянув кости пророка Фари, и уже не таясь вышел из дома.

У стены я увидел странную компанию. Для начала, там был Гrimнир, так что я рано обрадовался его отсутствию. Он сидел на корточках спиной ко мне и что-то разглядывал. От него во все стороны плыли волны восторга, но что именно привело его в такое расположение духа, я не мог понять.

На шатком чурбачке, прислонившись спиной к стене избушки, сидела замарашка Эрриэз и жадно кусала хлеб, намазанный медом. Мед стекал по ее локтям, и она время от времени обтирала его пальцем, после чего облизывалась. Над Эрриэз летала оса. При виде меда мне стало дурно.

А перед Гrimниром и лесной девчонкой стояло печальное существо с обвисшим носом и уныло опущенными уголками коричневых глаз. Лицо у существа было узкое, как лезвие, спутанные зеленые волосы падали ему на плечи. Я сразу почувствовал, что это нечто вроде гнома, и начал прикидывать, кто из нас двоих могущественнее.

Гrimнир обернулся и в знак приветствия оскалил все свои зубы. Я предположил, что это улыбка, и криво ухмыльнулся в ответ.

— Привет, Кода, — сказала Эрриэз, догладывая свой хлеб.

Я настороженно переводил взгляд с одной сияющей физиономии на другую. Не нравились мне их рожи. Особенно та, гномья. Я пожал плечами и плотнее завернулся в свой плащ, хотя уже становилось довольно жарко.

— Ну, как там Конан? — спросил Гrimнир. — Спит еще?

Я отмолчался. Эрриэз слезла с чурбачка, потерла затекшую ногу и устроилась в траве. Все трое, включая зеленого гнома, опять склонились над чем-то, что их так восхищало. Я не выдержал и заглянул в их тесный кружок, подсунув голову под локоть Гrimнира. Но ничего толком разглядеть не успел, потому что Гrimнир немедленно ущемил меня своими ручищами и загоготал, помирая от удовольствия.

— Негодяй! — придушиенно заверещал я. — Пусти! Клянусь гневом

Зират, Гrimnir, тебе не поздоровится!

Великан хрюкнул и сдавил меня еще сильнее. В глазах у меня потемнело.

— Отпусти его, — произнес тихий, печальный голос. — Не сходи с ума. Ты же все-таки не тролль.

Меня выпустили. Я сел, плохо соображая, и потер помятое ухо. Зеленое существо смотрело прямо на меня, причем смотрело участливо.

— Он вас не поранил? — спросило оно. Я покачал головой.

— Вы должны его извинить, — произнесло существо и с оттенком легкого превосходства покосилось на Гrimнира. — У великанов отвратительный характер, но в душе они добрые существа.

— Познакомься — это наш травяной, — сказал Гrimnir, указывая пальцем на зеленое создание. — Дух зеленої растительности. Он редко показывается людям.

И насмешливо присвистнул.

И кто-то свистнул ему в ответ. Я вспомнил, что именно этот звук и разбудил меня.

— Кто это там свистит? — спросил я, и вдруг меня осенила догадка. — Уж не Лагуста ли?

— Она самая! — ответил Гrimnir, с любопытством ползая по мне взглядом. — А ты уже и с Лагустой знаком?

— Я видел ее на болоте, — сказал я. — Зачем вы ее поймали?

— Это подарок герою, — сказал травяной своим унылым голосом. — От благодарных духов Боссонских топей, избавленных им от Чудовища. Лагуста засвистала расхлябанную кабацкую песенку ветеранов. У нее это здорово получалось.

Она даже фальшивила на тех же нотах, что и Конан. Гrimnir заржал от восторга и принялся тыкать в Лагусту своим корявым пальцем. Послышался плеск, и рыба замолчала.

— Уйди от невинной твари, Один, — сказал травяной. — Ты сам по себе уже стихийное бедствие.

Гrimnir поднялся на ноги и шагнул прочь.

— Тебя же не гонят, — крикнула ему в спину Эрриэз. — Останься. Только рыбу не трогай.

Гrimnir обиженно сказал от порога:

— А мне неинтересно, если не трогать. И ушел в дом.

— А что, — спросил я травяного, — Конан действительно зарубил эту гадину?

Травяной кивнул и для ясности добавил:

— И весть об этом подвиге разнеслась далеко по лесу. Желтое тело змея разлагается под деревом, и края ран, нанесенных мечом, почернели от яда... Лесной народ хотел приветствовать героя букетом цветов, но, к счастью, я успел остановить это злодеяние. Нельзя убивать траву и зеленые растения. Рано или поздно это закончится гибелью всего живого...

— Чудовище убито, — задумчиво проговорила Эрриэз, — но это только начало. Я не думаю, что Боссонские топи станут когда-нибудь процветающей землей. Отравленная почва не скоро оправится. И людей здесь осталось мало. Те, что ушли, вряд ли вернутся, — добавила Эрриэз.

Лагуста лихо плеснула хвостом в деревянном ведерке. Травяной осторожно прикрыл ее плетеной крышкой, чтобы она не выскочила на траву.

— Как вы думаете, Кода, — спросил он очень вежливо, — герою понравится дар?

— Понравится, — сказал я. — Только вот она не сдохнет, Лагуста Свистящая Рыба? Эрриэз говорила, что Лагусты в неволе дохнут.

Травяной покачал головой, размахивая свисающими на плечи зелеными прядями.

— Эрриэз славная девушка, — сказал он, — только глупенькая. Ни одно существо не сдохнет, если за ним как следует ухаживать и любить его.

Я представил себе, как мы с Конаном топаем по какому-нибудь бурелому, держа в руках ведро с Лагустой. Потом мысленно перенесся в пустыню и понял, что Лагусте не жить.

— Знаешь что, — сказал я, пытаясь перейти с травяным на «ты», — пожалуй, лучше всего будет выпустить ее обратно в болото.

Травяной посмотрел на меня еще более уныло, чем прежде.

— А вы уверены, Кода, что ваш Конан не потребует от нас какого-нибудь иного дара взамен этого?

— Уверен, — сказал я.

— Тогда прощайте. — Травяной наклонился к ведерку и с усилием поднял его за дужку. — Хотя... Еще пару слов?

— Разумеется, — Вы гном? Я давно ждал этого вопроса.

— Конечно. Я пустынный гном. Вообще-то я вредитель. Отрава жизни.

Травяной посмотрел на меня словно бы свысока, хотя мы были одного роста. Ясное дело, он тоже считает, будто я «служу» Конану. Хотя мы с киммерийцем просто друзья.

Я почему-то начал оправдываться:

— Он же человек, он пропадет без меня... Травяной сочувственно

кивнул.

— Люди — жуткая обуза, — проговорил он. — И толку от них нет, и бросить жалко.

И, прихрамывая, травяной удалился, унося с собой ведро, в котором весело насвистывала Лагуста.

Когда мы с Конаном собирались уходить, мальшка Эрриэз крепко поцеловала меня в лоб и, не скрывая слез, погладила по затылку. Руки у нее маленькие и сильные. Хорошая девчушка. Я вдруг понял, что привязался к ней.

Конан стоял на вырубке перед избушкой в новом плаще — подарке Гrimнира. Улыбаясь, он жадно всматривался в сплошную стену леса, слегка тронутого осенью. Я видел, что мыслями он уже далеко отсюда. Потом он обернулся к Эрриэз и подумал о ней: «Милая». Замарашка переступила с ноги на ногу, стукнув о порог деревянными башмаками.

— Прощай, Эрриэз, — сказал он и зашагал к лесу.

Я еще раз посмотрел на домик, на девчонку в полосатой юбке, на огромное серое небо, распостертое над ней. Какая она маленькая, эта лесная фея. Вот такая, с пыльными волосами, с исцарапанными руками, с грустными светлыми глазами, которые так редко видят солнце.

Гrimнир усадил ее себе на плечо и, невнятно пробурчав нам доброе пожелание, двинулся прочь. Скоро он скрылся в чаще леса.

— Ну, — обратился я к Конану, — теперь мы наконец можем выбраться к морскому берегу? Одному Сету известно, когда мы сядем на корабль, а я уже начинаю харкать по утрам кровью!